

Екатерина Каблукова

Невеста по случаю

ИДДК

Под грифом «Секретно»

Екатерина Каблукова

**Под грифом «Секретно».
Книга 2. Невеста по случаю**

«ИДДК»

2023

Каблукова Е.

Под грифом «Секретно». Книга 2. Невеста по случаю /
Е. Каблукова — «ИДДК», 2023 — (Под грифом «Секретно»)

Граф Алайстер исполнил свое обещание: вернул меня в привычный мир. Здесь я счастлива и свободна. По крайней мере, стараюсь убедить себя в этом. Но в памяти постоянно всплывают залитые южным солнцем холмы... И как только мне выпадает шанс тайно вернуться в Лагомбардию, я соглашаюсь. Главное, не выдать себя графу Алайстеру, ведь у меня есть тайна, о которой ему не стоит знать...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Екатерина Каблукова
Под грифом «Секретно».
Книга 2. Невеста по случаю

© Каблукова Екатерина

© ИДДК

Глава 1

Я уныло ковыряла ложкой в тарелке. Никогда не любила гречневую кашу, а сегодня мне казалось, что она вообще омерзительно пахла. Этакой прогорклой крупой. Не помогало ни сливочное масло, ни соль. Я привычно размазала ложкой крупинки по краям, чтобы было похоже, будто бы я все-таки что-то съела, и бросила тоскливый взгляд в окно.

Погода полностью отражала мое настроение. Мелкий морозящий дождь, начавшийся неделю назад, не прекращался ни на секунду. Низкое небо было покрыто серыми тучами, пасмурный день просто сливался с белой ночью, и в городе царил непроглядная серость. Как и в моей душе.

Я снова взглянула на окно, покрытое каплями, вздохнула, невольно вспомнив голубое небо и яркие, усеянные цветами холмы, между которыми вилась пыльная дорога. От осознания, что это никогда не повторится, стало еще тоскливее.

– Лиза, ты что сидишь? – Бабушка в ярко-красном шелковом халате вошла на кухню. – На работу опоздаешь!

– Переживут, – отмахнулась я.

Сейчас, когда все сотрудники наперебой уверяли начальство, что заплесневеют от сырости, и требовали подписать внеочередные отпуска, чтобы удрать на юг, я, вышедшая на работу сразу же после своей необычной командировки и не требовавшая даже догулять положенное, ценилась нашей конторой на вес золота.

– Переживут, твои органы всех переживут, – пробурчала бабушка, скрываясь в ванной, чтобы привести себя в порядок.

Послышался шум воды. Я вздохнула: ну все, бабуля нейтрализована по меньшей мере на час. Пока она не нанесет все снадобья из десяти тюбиков, стоявших рядком на полочке у зеркала, на кожу, не сделает укладку и легкий утренний макияж, она из ванной не выйдет. Выждав еще три минуты, вдруг бабушка что-то забыла, я встала, чтобы с чувством выполненного долга выкинуть гречку.

– Лиз, ты что, еще не поела? – Мама появилась на кухне.

Ее шелковый халат был синим. Мне полагался зеленый, который вот уже второй год пылился в шкафу: я любила длинные футболки и трикотажные штаны.

– И опять без тапок! – ужаснулась родительница.

– Поела. Без тапок. Мне пора, иначе опоздаю! – Чмокнув маму в щеку, я попыталась пронести мимо бдительного ока тарелку, но была остановлена.

– Как-то мало ты съела! – Она всмотрелась в гречку, словно считая крупинки.

– Мама, ну хоть ты не начинай!

– Лиза, крупа – это длинные углеводы! Она полезна! – Мама с укором посмотрела на меня.

Понимая, что меня ждут либо три ложки ненавистной гречки, либо лекция о пользе круп, после которой я точно опоздаю, я послушно зачерпнула и проглотила. Поставила тарелку на край раковины и метнулась в туалет: гречка всеми силами рвалась наружу. Я только и успела, что закрыть дверь на шпингалет и буквально рухнуть на колени у унитаза.

– Черт, – выругалась я, когда тошнота отступила.

Немного отдышавшись, я поднялась. Ноги все еще дрожали.

– Лиза, – оказывается, мама стучала в дверь, – Лиза, что случилось?

– Все в порядке, мам. – Я открыла холодную воду, тщательно прополоскала рот, умылась и только после этого вышла, радуясь, что в квартире все-таки два совмещенных санузла.

Бабушка, встревоженная маминым голосом, тоже выскочила из ванной. Вода с ее волос стекала на халат, оставляя темные пятна, так напоминающие пятна крови. В памяти мелькнула

белоснежная рубашка графа, красные подтеки на ткани. Там пятна выглядели ярче. И запах горелой плоти...

При воспоминаниях о пытках к горлу опять подступила тошнота. Я приложила ладонь ко рту, пытаюсь сдержаться. Обои в коридоре стали блеклыми, а запахи усилились.

– Лизок, ты не заболела? – Мама потрогала мне лоб, обменялась многозначительным взглядом с бабушкой. – Просто ледяная!

– Может, врача вызвать? – Та тоже потянулась ко мне.

Я увернулась:

– Да оставьте вы меня в покое! – Ушла в свою комнату, по-детски хлопнув дверью.

Села на кровать, обреченно посмотрела на часы, охнула и начала собираться. Брюки категорически не хотели застегиваться – молнию заело, стянув их, я не глядя надела юбку, благо у меня они все были почти одинаковые, натянула рубашку, кое-как застегнула пуговицы, затем достала новую упаковку чулок, попыталась быстро надеть, зацепила кольцом с рубином, которое никогда не снимала с пальца, слишком уж дорогим был подарок, как и браслет на запястье. От воспоминаний в носу противно защипало.

Я быстро смахнула слезы и еще раз посмотрела на часы. Длинная стрелка неумолимо приближалась к двенадцати. Понимая, что накраситься уже не успеваю, выскочила в коридор, на ходу стягивая волосы резинкой в хвост.

– Лиза, – окликнула бабушка.

Игнорируя призыв, я впрыгнула в балетки и подхватила куртку.

– Опаздываю! До вечера!

Я выскочила на площадку, громко хлопнув дверью. Перепрыгивая через ступеньку, помчалась вниз. В подъезде пахло цементом и табаком, а еще дешевыми духами, сквозь аромат которых явно ощущался запах спирта. Странно, раньше я этого не замечала.

Этажом ниже ступени были влажными, по всей видимости, сосед только что выгулял свою собаку. К запаху духов присоединился запах псины, и я поморщилась, попыталась быстрее спуститься, чуть не поскользнулась на мокрой ступеньке, удержалась, схватившись за перила, поправила сумку и продолжила спускаться, но уже медленнее.

У дверей подъезда мне даже пришлось остановиться: на секунду все поплыло перед глазами. Показалось, что на лестнице очень душно. Охнув, я прислонилась к стене.

– Лизонька, доброе утро! Что с вами? – Сосед, немолодой седовласый мужчина, как раз выходящий из своей квартиры, озадаченно посмотрел на меня. – Вам плохо?

– Спасибо, все в порядке, – прошипела я: еще не хватало, чтобы он потом моим рассказывал, что я чуть не упала в обморок на лестнице. – Доброе утро, Виктор Степанович!

– И вам не болеть!

Я вышла и с наслаждением вдохнула холодный, пропитанный дождем воздух. Полегчало. Воздух был словно наполнен влагой. Ветер дунул в лицо, ероша растрепавшиеся волосы. Ледяные капли облепили лицо.

– Лиза! – раздался строгий окрик мамы над головой. – Капюшон надень, а то простудишься!

Я проигнорировала. Медленно, с удовольствием прошлась до машины, припаркованной у соседнего дома, села за руль, включила зажигание. Автомобиль грозно пискнул, а я ругнулась: уже второй день подряд забывала заправиться. Взглянула на часы, поняла, что если поеду на заправку, то точно не успею, полезла в сумку за телефоном вызвать такси.

И все равно я опоздала. Планерка как раз закончилась, когда я заходила в свой кабинет, который делила еще с двумя девочками из отдела. Небольшой, со стандартной дешевой мебелью и пластиковыми жалюзи. Лишь компьютеры были достаточно мощные, позволявшие оперативно работать. Я, делая вид, что задержалась по делу, прошла к своему столу, стоявшему в углу.

– О, Лизка, а Соколов про тебя на планерке спрашивал. – Танька кинула на стол ежедневники, включила комп. – Третье опоздание за неделю! Ты что, со своим Максом съехалась?

– А при чем тут Макс? – не поняла я, тоже включая компьютер и вводя пароль доступа. Экран ярко замигал, и я невольно прикрыла глаза.

– Ну так на радостях сексом занимаетесь, поэтому и опаздываешь. – Таня зашуршала шоколадкой, припрятанной в тумбочке. Она всегда была жуткой сластеной. – Будешь?

Я покачала головой. В отличие от меня, Танька ела, как слон, и не толстела, вызывая всеобщую зависть. Сама она, скромно потупив глаза, заявляла, что у нее отличный метаболизм, а девочки по углам шушукались, что наверняка пьет какие-то таблетки.

– Вечно ты со своим сексом! – укорила подругу Люська. – Может, Лизка проснуться не может!

– Ага. Потому что вечером сексом занималась. – Таня отгрызла шоколадку и фыркнула. – Девочки, ну что вы такие мрачные?

– Ты за окно смотрела? – спросила Люся. – Там мокро, а Соколов отпуск не дает.

– Почему не дает? – Я щелкнула клавишами мышки, открывая файл.

– Потому что по расписанию сейчас твой отпуск. И я должна с тобой договариваться и рапорт подавать. – Она яростно застучала пальцами по клавиатуре, точно та была виновата.

– Пиши заявление. Я не буду догуливать. – Я вывела на печать несколько листов, забрала и начала проверять.

– А ты ему об этом скажешь? – Люся умоляюще посмотрела на меня. – А то меня Артем на море зовет... – И заговорщицки добавила: – Он мне предложение будет делать!

– Вау!!! – Таня вылетела из-за стола и бросилась обнимать подругу. – Поздравляю!!! Откуда знаешь?

– Степка проболтался, – ответила та, имея в виду своего младшего брата. – Он ему кольцо мое таскал замерять.

– Круто!!! – Таня повернулась ко мне. – Лиза, а ты чего?

– А? Что? – Я оторвала взгляд от экрана.

– Люся замуж собралась.

– Поздравляю! – я вымученно улыбнулась. – Вы с Темычем классная пара.

– Да ладно, – отмахнулась смущенная Люся. – Вы-то с Максом когда?

Я стиснула зубы. Макс был мой парень. Вернее, бывший парень, на звонки которого я перестала отвечать, как только вернулась из командировки, но девочки об этом не знали. Я помолчала, затем вновь погрузилась в бумаги. Девочки сверлили меня взглядами, и я не выдержала:

– Никогда.

Потрясенное молчание было мне ответом. Я с удивлением поняла, что мне самой полегчало.

– Ли-из, вы что, расстались? – недоверчиво протянула Таня, все еще обнимая Люсю.

– Да, расстались. – Я начала набирать на клавиатуре текст. – Как пишется «по порядку»? Через пробел или дефис?

– Пробел, – машинально ответила Люся и спохватилась: – А что произошло?

– С порядком?

– С Максом.

– Ничего, – отмахнулась я, не рассказывать же про графа Алайстера, так некстати ворвавшегося в мою размеренную жизнь. – Иногда бывает, когда люди просто понимают, что вместе им хуже, чем порознь.

Правда, Максиму это очень долго пришлось объяснять, он так и не поверил, но об этом можно было и умолчать.

Судя по лицам, девочки хотели провести мне форменный допрос, но меня спасла круглолицая Любочка – бессменный секретарь нашего начальника. Она заглянула в кабинет и сообщила, что полковник Соколов вызывает меня к себе.

Меня проводили сочувствующими взглядами: если наш начальник начинал вызывать через секретаря, то пощады ждать не приходилось.

В коридоре никого не было. На какой-то миг перед самыми дверями в кабинет сердце вдруг забилось от крамольной мысли, что сейчас я увижу Роя, сидящего за столом и просматривающего мое дело...

Я покачала головой, прогоняя ее. Зачем я ему, если он любит Кариссу. Все закончилось в тот момент, когда я подошла к дверце шкафа, теперь осталось лишь пережить горькое послевкусие расставания и вспоминания о путешествии в другой мир, как о приятном приключении. Приятном...

Вспомнив, что меня пытались убить в Лагомбардии, я усмехнулась. И все равно при воспоминаниях о чужом мире, пропитанном солнцем и запахом моря, меня охватила тоска.

Я задумчиво покрутила кольцо с рубином, взглянула браслет из голубого металла, на котором висели три-ключа – прощальные подарки графа Алайстера.

Кольцо защищало от ядов. А браслет был амулетом, позволяющим открывать любые замки. Теперь мне даже не надо было нажимать кнопки домофона, стоило лишь протянуть руку к дверям. Я знала, что браслет мог открыть мне путь в Лагомбардию. Знала и потому никогда не спускалась в тот подвал с книжными шкафами.

Спohватившись, что так и застыла в коридоре, я вошла в приемную, а потом и в кабинет начальника:

– Разрешите?

Полковник сидел за столом и что-то записывал в свой «талмуд», как он всегда называл тетради-ежедневники. Больше в кабинете никого не было. Я разочарованно выдохнула, чувствуя себя романтической душой. Признаться, чувство было не из приятных.

– Голованова, третье опоздание за неделю! – Павел Андреевич даже не поднял голову, плохой знак. – Садись, бери лист и пиши.

– Что писать?

– Заявление. Лучше сама, чем приказом.

Стало очень обидно. В носу противно защищало. Я моргнула, смахивая слезы, села за стол, придвинула к себе один из листов, стопкой лежащих на столе, взяла ручку и начала выводить буквы, стараясь писать разборчиво: почерк у меня был очень корявый, сказывались годы работы на компьютере.

– Вот, – поставив достаточно размашистую подпись, я слегка дрожащей рукой протянула лист полковнику, он снял колпачок со своей перьевой ручки и начал читать. Где-то в середине он нахмурился, перечитал, затем строго посмотрел на меня поверх очков:

– Голованова! Это что?

– Заявление, – голос звучал отстраненно, – вы же сами просили... по собственному...

– Я тебя просил на отпуск написать! Ходишь тут, как моль бледная! – Он зло швырнул лист на стол и хлопнул ладонью по нему так, что стакан с водой подпрыгнул.

– Я в отпуск не хочу, мне там делать нечего, – мрачно сказала я, избегая его взгляда. – Хотите увольнять – увольняйте, а в отпуск не пойду!

Полковник вздохнул, встал из-за стола, прошелся по кабинету, заложив руки за спину, как всегда бывало, когда он размышлял, затем сел, но уже напротив меня.

– Лизавета, послушай, я не знаю, что у тебя там случилось, и не хочу знать... – он выразительно замолчал.

– Вот и не спрашивайте, – посоветовала я.

– Ты это... начальству не дерзи! А то действительно твое сочинительство на тему собственных желаний подпишу! И что делать будешь? – говорил он это, скорее, по привычке, уж Павел Андреевич прекрасно знал, что теперь благодаря графу Алайстеру, вернее, премии, выписанной мне от имени Лагомбардии, Советом которой он успешно управлял, я могла всю жизнь прожить, ни в чем не нуждаясь.

После возвращения из параллельного мира, где я вынуждена была играть роль принцессы, я вышла на работу, и меня тут же вызвали в кабинет начальника. Я пошла, ожидая все что угодно, но полковник слегка оторопело протянул дорогое портмоне, наполненное банковскими карточками:

– Вот, держи...

– Что это? – Всю ночь я провела без сна, глаза были припухшими, а в голове стоял будто бы туман.

– Премия. За работу. Вообще-то не положено такое, но Алайстер настоял, говорит, был на самом вершине.

Кровь бросилась мне в лицо. Так унижительно я себя никогда не чувствовала. Со мной расплачивались за услуги... И ведь даже не пришел сам! Трус!

– Передайте вашему Алайстеру, – прошипела я и вдруг осеклась.

Вспомнила и недавний приказ, «спущенный с самого верха», и то, как размышляла, что буду делать, если меня уволят. В портмоне лежали моя свобода и независимость, и неважно, за какие услуги Лагомбардии со мной рассчитались.

– Передайте ему большое спасибо!

– Голованова! – окрик начальника вывел меня из раздумий. – Ты где?

– Не знаю, – честно ответила я. – Наверное, у вас в кабинете.

– Я тебя человеческим языком спрашиваю: жить ты как будешь?

Я одарила его мрачным взглядом. И этот туда же! Мало мне мамы с бабушкой, последнее время охавших, что я похудела и осунулась. Возможно, они что-то и подозревали, бабушка то и дело заводила разговор на тему молодых людей и почему-то ценных бумаг, но я молча отмахивалась и старалась лишней раз задержаться на работе, не желая рассказывать им ни о загадочной своей командировке, ни о суммах на счетах, а уж тем более вдаваться в объяснения, как я смогла заработать столько. Павел Андреевич все еще ждал ответа. Я пожала плечами:

– Не думала об этом.

– Так подумай! – Он с каким-то мрачным раздражением протер очки, я внимательно посмотрела на него:

– Это мои просили вас поговорить, верно?

– Почему сразу твои? – пробурчал он, старательно пряча глаза и тем самым подтверждая мои догадки.

– А кто ж еще! – фыркнула я. – Думаете, не знаю, что вы с ними в сговоре! Вернее, с бабушкой!

– Лидия Михайловна тебе добра желает... И права она: сидишь с утра до вечера, света белого не видишь!

– С нашей погодой его вообще увидеть затруднительно.

– Ты не дерзи! Сегодня что? Проспала?

– Я не проспала, я гречкой отравилась, – мрачно сказала я.

Полковник недоверчиво посмотрел на меня:

– Как это?

– Вам в подробностях? – ехидно поинтересовалась я. – Как именно все происходило?

Начальник покачал головой:

– Ох, Голованова, не доведет тебя до добра твой язык!

Я вымученно посмотрела на него:

– Павел Андреевич, если у вас ко мне все, я пойду? Там отчетов...

– Иди, – он обреченно махнул рукой.

Я дошла до двери и обернулась:

– А за бабушку вы не волнуйтесь, я скажу своим, что вы меня долго в кабинете мучили!

Выпустив эту парфянскую стрелу, я вышла.

– Скажет она, – донеслось до меня бурчание. – К врачу лучше сходи! А то гречкой отравилась...

В словах начальника была какая-то доля правды. Я действительно неважно себя чувствовала, словно заболела, но если отпуска я боялась как огня, понимая, что сойду с ума от воспоминаний, то насчет визита к врачу стоило подумать. В конце концов, от больничного можно отказаться.

Я вернулась к себе в кабинет, проигнорировала вопросительные взгляды девочек, снова ввела пароль и устала в экран, дела вид, что погружена в расчеты.

Как всегда, воспоминания о графе Алайстере выбили меня из состояния отрешенности, ставшего уже привычным. В памяти вновь и вновь возникали темнеющие в ночи холмы, пыльная дорога, серебристой лентой уходящая вдаль, россыпи розовых звезд на темном небе и пьянящие поцелуи, а ведь еще было Междумирье...

И после этого Рой вместе с принцем Риччионе стоял в коридоре тайного хода и цинично наблюдал за мной и Гаудани. Наверняка эти двое еще и поспорили между собой, удастся ли д'орезу Лагомбардии, считавшему меня принцессой Кариссой, переспать со мной. Не удалось.

Я спутала все их планы, а потом с чувством выполненного долга вернулась домой. Рой мог меня остановить, но не стал, я была лишь слабой заменой той другой, которую он действительно любил. Мной можно было рисковать не задумываясь, что граф и сделал...

– Лиз, ты хоть по клавиатуре постучи и файл открой, запалишься! – Таня заглянула мне через плечо. – Какая-то ты... влюбилась, что ли?

– Влюбилась... – вздохнула я, отрицать, очевидно, было уже глупо.

– Вау! В кого? – Люся аж привстала, чтоб ничего не пропустить. – Вот почему ты рассталась с Максом?

Я молча кивнула. Таня присвистнула:

– Ну ты даешь? А он?

– А он не влюбился. – Я резко отодвинула стул и вскочила, чувствуя, что вот-вот снова расплачусь.

Девочки притихли, от молчаливого сочувствия стало еще хуже. Я рывком сдернула сумку со стола и вышла. На ходу позвонила Павлу Андреевичу, соврала, что мне стало хуже, и отпрашилась к врачу. Делая вид, что очень тороплюсь, выбежала из здания и, глотая слезы, направилась к Неве, благо идти недалеко. Перешла дорогу, оперлась на мокрый гранитный парапет. Вода была коричневой, точно спекшаяся кровь.

– *Кстати, зачем в этом подвале труба?*

– *Ну как же? Чтобы кровь в Неву стекала!*

Некстати вспомнилась первая встреча с Роем, и слезы все-таки побежали по щекам. Я смахнула их, недоумевая, что со мной творится. Может, действительно заболела?

Пришлось достать телефон и набрать бывшую одноклассницу, работающую врачом. Правда, Сашка была гинекологом, причем потомственным, но по поводу лекарств от гриппа я тоже обычно консультировалась с ней.

– Да? – раздался ее бодрый голос. – Лизка, куда пропала? Больше месяца не виделись!

– Да так, долго рассказывать, – вздохнула я, чувствуя себя после ее слов очень корыстной. – Саш, скажи мне, чем лучше отравление снять?

- Какое отравление? – не поняла она. – Кто отравился?
- Я. Гречкой. Но я немного съела, – призналась я.
- Гречкой? Ты? Подожди, в чем это выразалось?
- Стошнило.
- Когда?
- Сегодня утром.
- И все?
- Не знаю, состояние какое-то... предгриппозное...

В трубке воцарилось молчание. Я уже решила, что что-то со связью, когда Сашка заговорила.

– Лиз, давай-ка дуй ко мне, – голос звучал как-то странно, – если что, сразу капельницу и поставим! Я как раз на работе.

– Ладно, – кивнула я, словно она могла видеть. – Мне до тебя доскакать минут пятнадцать.

– Знаешь, давай ты скакать не будешь? У меня вот-вот пациент по записи минут на двадцать пять, как раз ты и подойдешь, – предложила она.

– Договорились. – Я нажала отбой и спрятала телефон в сумку.

Времени было навалом: Сашка работала в дорожной частной клинике недалеко от меня. Раньше мы часто после работы встречались в одном из кафе выпить чашечку кофе и поговорить.

Но это все было до того, как я оказалась в другом мире, до того, как влюбилась в совершенно неподходящего мне графа Алайстера. После моего возвращения из Лагомбардии я старательно избегала таких посиделок: общаться ни с кем не хотелось. Да и лучшая подруга легко могла вывести на чистую воду, а я не готова была обсуждать свои чувства.

Как и договаривались, я не торопилась и все равно дошла минут на восемь раньше назначенного времени, заскочила в соседний магазин купить кофе на вынос.

Запах кофе не понравился, зато до дрожи в руках захотелось кефиру, который я вообще не пью. Пришлось купить бутылку и выпить на глазах ухмыляющихся продавцов, наверняка они решили, что у меня похмелье.

Я выбросила бутылку в ближайшую урну и направилась на прием к подруге детства.

Клиника была безликой. Она располагалась в одном из домов, от которых остался лишь фасад позапрошлого века. Внутри все было современным. Зеленые с белым стены, напротив входа оранжевая эмблема, безвкусно смотревшаяся между выступающими из стены колонн, – явно дизайнерская находка, гипсовая имитация лепнины на потолке и диванчики из зеленого кожаного материала, стоящие в холле. Все должно было говорить о респектабельности заведения и настраивать на положительные эмоции. От осознания этого меня опять затошнило.

Несколько женщин, три из которых явно были в положении, сидели на диванчике, обсуждая модели колясок. При этом использовались такие термины, как проходимость и легкость в управлении, точно выбиралась не коляска, а машина. А еще это чудо современного коляско-строения обязательно должно было поместиться в лифт. Далее шли непередаваемые термины и названия марок.

Я не стала больше прислушиваться к их разговорам и села на самый дальний диван. Взяла журнал, откуда на меня с глянцевой обложки смотрел веселый малыш, пролистнула, поняла, что не хочу читать ни о прелестях грудного вскармливания, ни о правилах прикорма, и отложила его в сторону.

– Лиза, привет! – Саша вышла к стойке. Темноволосая, подтянутая, с цепким взглядом, в белом халате и розовых штанах, она просто олицетворяла собой профессионализм. – Ну что, пойдём!

Я улыбнулась и прошла за подругой по длинному коридору, пахнущему дезинфекцией, в ее кабинет. Здесь стены были белые, а кушетка и стулья – голубые.

– Рассказывай. – Она села за свой стол и подперла голову кулаком – любимый жест с детства.

– Да что тебе рассказывать? Все путем, только времени вообще нет, – махнула рукой я.

– Чем отравилась, рассказывай, – фыркнула подруга.

– Гречкой, – буркнула я, – ты же знаешь, как меня любят ей пичкать.

– До сих пор? – изумилась она. – Ну Ольга Степановна дает!

– Поверь, Лидия Михайловна не отстает, – я вздохнула. – Вот и отравили...

– Просто семья Борджиа! – хохотнула Сашка, а я вздрогнула. – Слушай, а ты еще что-то ела?

– Да вот, кефирчик, но это только что, – пробормотала я и насторожилась: слишком уж пристально она на меня посмотрела. – А что?

– А то, что ты его никогда не любила, – подруга еще раз взглянула на меня. – Лиз, а критические дни у тебя когда последние были?

– Что? – понимая, к чему подруга клонит, я побледнела. – При чем тут...

– А при том, что ты в самом детородном возрасте!

Сашка выразительно замолчала. Я растерянно посмотрела на календарь, пытаюсь вспомнить свой цикл, удалось с трудом, после чего я побледнела еще больше.

Голова закружилась, и если бы я не сидела на стуле, то наверняка бы упала. Сашка профессиональным движением достала из ящика стола и сунула мне под нос нашатырь. Резкий запах заставил отшатнуться. Но головокружение прошло. Зато вновь затошнило, на этот раз от страха.

– Не может быть, – потрясенно прошептала я, беспомощно смотря на подругу, она хихикнула:

– Ладно, пошли на УЗИ смотреть! Может, от стресса или гастрит там какой, хотя я сомневаюсь, уж очень все сходится.

Глава 2

Я сидела и тупо пялилась на экран, где билась темная точка. Сашка с какой-то особой теплотой сказала мне, что это сердце ребенка. Моего ребенка. Моего и Роя.

– Поздравляю, подруга, – голос Сашки звучал как в тумане. – Макс сегодня скажешь?

– Это не Макс, – тихо ответила я, – мы расстались.

Она присвистнула, с сочувствием посмотрела на меня и встала, чтобы включить свет.

– Та-а-ак, – Саша протянула мне салфетки, – и что теперь?

– Не знаю... – Я старательно вытирала гель с кожи, избегая встречаться с подругой взглядом. Она снова села за стол и подперла голову кулаком:

– Ладно, Лиз, ты решай, куда тебя направлять: на учет или...

Она выразительно замолчала. Я знала, что Саша, с удовольствием дежурившая сутками, чтобы принять роды, не любит аборт. Я их тоже не любила и никогда не думала, что придется вот так сидеть и решать.

– Время еще есть? – вздохнула я, чувствуя себя предательницей по отношению к подруге.

– Есть... – она задумчиво помолчала, полистала мою карточку, лежавшую на столе. – Только, Лиз, у тебя резус отрицательный...

– И что? – не поняла я.

– И то, что если у отца ребенка – положительный, то тебе аборт крайне нежелательны. Иначе потом не выносишь. Ты знаешь, какой у твоего партнера резус?

Я посмотрела на нее и истерично рассмеялась. Знала бы Сашка, от кого я вообще залезла! Какой там резус! Да я вообще не знала, есть ли в Лагомбардии медицина. Смех перешел во всхлипывание. Подруга сидела и спокойно ждала, пока моя истерика пройдет.

– Извини, – я виновато посмотрела на нее.

– Бывает. – Саша протянула мне салфетку и пластиковую бутылку с водой. – Расскажешь?

– Не могу, – я покачала головой. – Извини, я подписку давала...

– Командировочный роман?

– Типа того... – я вздохнула. – Там и было-то... одна ночь...

– А тут много не надо! – хмыкнула подруга. – Одного раза вполне достаточно.

– Это я уже поняла... только вот что теперь делать... с далеко идущими последствиями...

– Лиза, ты подумай. – Сашка замялась, затем решительно продолжила: – Если ты из-за денег переживаешь... так тебе выплаты положены, и я помогу...

– Деньги не проблема, – перебила я ее, желая просто сбежать подальше от сочувствующих взглядов.

– Он тебя изнасиловал?

– Что? – я моргнула, а потом рассмеялась. – Нет! Придумаешь тоже.

– В жизни всякое бывает.

Она выжидающе посмотрела на меня. Я кивнула:

– Да. Верно. Саш, давай потом поговорим, ладно? Мне на работу бежать надо.

– Лучше не бегай, – посоветовала она профессиональным тоном врача, сразу сообразив, что со мной происходит. – Ходи медленно и с достоинством. Если вдруг что, звони и днем, и ночью.

– Хорошо, – я вздохнула и поднялась. – Где у вас тут касса?

– Нигде, забей!

– Са-аш... – протянула я.

– Ли-из... – передразнила она меня. – Иди уже! Сама дойдешь?

– Да.

– Смотри, если что, сразу на больничный! Я тебя еще вечером наберу!

– Спасибо. Только моим не говори, ладно?

– Обижаешь!

Все еще в состоянии прострации я вышла из кабинета. Проследовав по коридору мимо беременных женщин, так и сияющих счастьем, покинула клинику. Оказавшись на улице, я прислонилась к стене, подставив лицо мелким каплям. Какое-то время стояла молча под удивленными взглядами прохожих.

Было холодно. Рой не любил холод, он сказал мне это перед тем, как я шагнула в свой мир. И меня он тоже не любил. Вода тонкими струйками стекала по лицу, смешиваясь со слезами, скользила по шее, проникая под куртку. Воротник рубашки намок и противно лип к шее.

– Девушка, вам плохо? – раздалось над ухом.

Я открыла глаза. Какой-то мужчина в темной куртке слегка наклонился ко мне. Он него пахло дешевым парфюмом и едва ощутимо перегаром.

– Вам плохо? – повторил он.

– Нет. Спасибо. Мне уже хорошо. – Не глядя на него, я засунула замерзшие руки в карманы куртки и направилась на работу: домой идти было страшно.

Это был безотчетный страх ребенка, которому просто стыдно, что его будут ругать за шалость... Хотя, как выясняется, дитяtko уже выросло, и шалости теперь были с последствиями.

Я брела по лужам, даже не стремясь обогнуть их. Туфли промокли, но я не обращала на это внимания, как и на тонкие струйки воды, стекавшие по лицу.

У меня будет ребенок. Ребенок от Роя. В памяти вспыхнула южная ночь, яркие розовые звезды иного мира, темноволосый мужчина, сидящий у костра и рисующий что-то, его властное «Пойдем!», дом в Междумирье с белыми стенами: вдовствующая графиня все надеялась, что сын распишет их лично. И горячее, обжигающе горячее мужское тело, плотно прижимающееся к моему, бессмысленный страстный шепот в ночи: «Радость моя...»

– Черт!

Споткнувшись, я чуть не упала. Выпрямилась и вытерла слезы тыльной стороной ладони. О чем я только думаю! Сейчас самое главное – решить, что говорить своим родным. В том, что мне устроят допрос с пристрастием, я не сомневалась. Я уже представляла себе, как мама и бабушка в один голос требуют рассказать, кто отец ребенка.

После моего отказа начнутся охи и ахи, крики «Ты нас не бережешь!». Бабушка будет пить корвалол, мама – класть валидол под язык. Затем они разойдутся по своим комнатам, чтобы через полчаса вновь встретиться на кухне, обсудить все за чаем и вынести мне свой вердикт. От этого меня вновь затошнило.

Трусливо подумала о втором варианте, срок ранний, никто и не узнает... в памяти всплыло лицо Роя, смотревшего на меня с укором. Но ведь он даже не попытался остановить меня!

Теперь мне все надо решать одной. От жалости к самой себе захотелось завывать в голос. Хорошо, хоть о деньгах думать не надо... на секунду задумалась: не предвидел ли он такое развитие событий? Наверное, нет, мужчины редко задумываются о последствиях.

А еще есть работа. Я буду вынуждена оставить ее, не факт, что вернусь. Сердце предательски заныло. Я не слишком любила то, чем занималась, но ведь наше ведомство – единственное место, где в подвале стоят шкафы, так напоминающие книжные, а на самом деле являющиеся дверями в другие миры. Сдав пропуск, я потеряю возможность попасть в подвал.

Пару раз, когда мне просто хотелось рыдать от тоски, я подходила к дверям, ведущим в подвал, но в последний момент всегда останавливалась: если бы Рой хотел, он пришел, и его ничто не смогло бы остановить. Но он любил Кариссу. И каждый вечер я почти с ненавистью рассматривала себя в зеркале, то благословляя, то проклиная свою схожесть с принцессой Риччионе.

Так ничего и не решив, я, трясаясь от холода, вошла в здание на Литейном, махнула охране пропуском, поднялась к себе в кабинет. Увидев меня, Таня всплеснула руками:

– Лиза, ты куда пропала?! Соколов вызывает! Сказал, что срочно! Любочка раз пять заглядывала.

Я ругнулась, порылась в сумке. Заледеневшие пальцы гнулись с трудом, нащупала телефон, вытащила. Так и есть: на вибровывозе! И десять пропущенных звонков.

Скинула куртку, отряхнулась, будто собака. Одежда была мокрой, но запасных рубашек не было. Пришлось приличия ради накинуть мундир. Быстро переобулась в туфли, оставшиеся в шкафу с зимы, ощутила вкус к жизни. В конце концов, пострадать можно и позже. Бегом направилась по знакомому коридору, профессионально огибая тех, кто попался на пути. Перед знакомой дверью отдышалась, одернула мундир и решительно вошла.

Любочка сидела в приемной и ожесточенно печатала что-то. Пальцы так и стучали по клавишам.

– Лиза, ну где ты бродишь? – возмутилась она. – Я уже бегать туда-сюда устала!

– Извини, у врача была, а телефон на вибро. – Я направилась к дверям. – Один?

– Нет. Мужик там какой-то. Странный. Нерусский, похоже. Уже полчаса, как не выходит. Тебя ждут, – она взглянула на меня. – Лиза, ты чего так побледнела?

– Ничего, – прокашлялась я, нерешительно берясь за дверную ручку. Неужели он все-таки пришел?

Пальцы все еще дрожали, и ручка поддалась не сразу. Досчитав до пяти, я переступила порог. Высокий темноволосый мужчина стоял у окна и с видимым интересом рассматривал улицу. При звуке открывающейся двери он обернулся. Искренняя улыбка тронула чувственные губы.

– Мэссэр Гаудани! – воскликнула я, чувствуя одновременно радость и разочарование. – Вы?!

– Мадонна, – он галантно поклонился, – рад видеть вас в добром здравии!

– Голованова, ты когда научишься телефон брать? – Павел Андреевич сидел за столом, недовольно поглядывая на меня, початая бутылка коньяка, два бокала и шоколадка свидетельствовали о том, что гостю был оказан достойный прием. – Ты чего мокрая?

– Дождь на улице.

– А что ты вообще на улице делала в рабочее время?

– Я к врачу ходила, я ж отпрашивалась! – начала оправдываться я.

– А машины у тебя нет?

– Сегодня нет. И вообще, там три минуты ехать, полчаса парковаться.

– Ладно, что врач сказал? Больничный дал? – в голосе полковника послышалась надежда.

– Нет, сказал: рано или поздно все само пройдет, – отмахнулась я, трусливо избегая объяснений с начальством, и вновь повернулась к д'орезу великой Лагомбардийской республики. – Но... Лоренцио, какими судьбами? Что вы здесь делаете?

– Пришел умолять вас о помощи, – он широко улыбнулся.

Возможно, его улыбка и произвела бы на меня впечатление. Если бы я не помнила, что именно так он улыбался, когда влез ко мне в спальню, полагая, что я – его невеста. Я прикусила губу, подавляя истеричный смешок, и посмотрела на Павла Андреевича:

– Что на этот раз?

Полковник нахмурился и мотнул головой в сторону гостя, словно говоря: «Пусть сам рассказывает».

– Видите ли, – Гаудани слегка замялся, – дело в том, что Карисса...

– Только не говорите мне, что она опять пропала! – фыркнула я. – В этом случае рекомендую поискать у вдовствующей графини Алайстер! Говорят, у нее прекрасный дом!

– Нет, что вы! Карисса во дворце, но она... и я... – д'орез Великой республики выдохнул и продолжил более деловым тоном: – В Лаччио собираются выбрать нового Истинного Пастыря.

– Как-то они затянули с этим делом, – пробормотала я, вспомнив, каким образом умер предыдущий глава церкви.

– Не они, а мы, – поправил меня д'орез, – Лагомбардия все никак не могла утвердить своего представителя в Конклаве, который и избирает Пастыря.

Он посмотрел на меня и, видя, что я ожидаю продолжения, вздохнул:

– Понимаете, Делрой... в последнее время он постоянно в плохом расположении духа. А уж после того, как он схлестнулся с Иеронимо, главным пастырем Лагомбардии, по поводу лечебницы, которую граф хочет открыть для бедных...

– Он еще и меценат! – не сдержалась я, с тоской поглядывая на коньяк. Мне вдруг захотелось выпить, чтобы хоть какое-то время не думать ни о чем. Заметив мой взгляд, Павел Андреевич потянулся к бутылке, но я мотнула головой: пока я не решила, что делать, с алкоголем стоило повременить.

– Не знаю, что это за слово, но Алайстер уперся в идею лечебницы. Они с пастырем чуть не поубивали друг друга. После этого граф мстительно отвергал все кандидатуры, предложенные духовным главой Лагомбардии. Дело дошло до попытки отлучения от веры самого Делроя. После чего тот открыто высказал все, что думает об Иеронимо.

– Как неосмотрительно...

– О да. – Гаудани подошел к столу, взял свой бокал и выпил его содержимое залпом. Я с завистью посмотрела на него:

– И что теперь? Новая война?

– Слава Создателю, обошлось! Прибыл пастырь Антонио, свою карьеру он начинал с того, что обучал принца Риччионе и его кузена. После продолжительных переговоров граф пошел на уступки, сказав, что даст согласие только в том случае, если Антонио отправится в Лаччио лично!

– Так в чем же проблема? – я покосилась на полковника Соколова, который с изумлением прислушивался к нашему разговору.

– Чтобы стать легатом Лагомбардии, пастырь должен был провести хотя бы несколько служб в главном тампле.

– Граф верен себе, – фыркнула я, вспомнив, как Рой прекрасно умел планировать каверзы. – Интересно, почему он так противился Иеронимо?

– Откуда я знаю? Вдовствующая графиня в узком кругу друзей высказала предположение, что ее сын – упрямый осел, – Лоренцио усмехнулся, – признаться, в последнее время я с ней согласен.

– Забавно. – Я все-таки подошла к столу и под неодобрительным взглядом начальника нагло отломил кусок шоколадки. – Но зачем вы рассказываете мне все это?

– При избрании Истинного Пастыря обязательно должны присутствовать правители государств, все мы имеем право вето на кандидатуру, выдвигаемую Конклавом. А уж в той ситуации, которая сложилась, нам необходимо следить за ходом выборов, – он многозначительно помолчал, а потом веско добавил: – Поговаривают, что возможен заговор.

– Мило. Но при чем тут я? Я ведь даже не мужчина, а если вспомнить, как ваши пастыри относятся к женщинам...

Д'орез смутился, это не укрылось от меня. Я скрестила руки на груди, всем своим видом выражая желание выслушать историю целиком. Гаудани вздохнул:

– Должен был ехать Делрой, но он отказался, сказал, что терпеть не может Лаччио, там слишком душно. Душно! Как будто его вилла не стоит на вершине холма над городом! – Лоренцио со стуком поставил бокал на стол. – Он отправил меня, тогда пастыри, опасаясь возможной угрозы со стороны Лагомбардии, выдвинули условие, что я должен приехать с женой.

– Разумно. Карисса – сестра принца и жена д'ореза Лагомбардии, – я усмехнулась, про себя добавив, что еще все прекрасно отдают отчет, что принцесса – возлюбленная графа Алайстера, который не допустит, чтобы даже волосок упал с ее головы. – В данном случае Карисса – прекрасная заложница, вы не находите?

– Нахожу! – резко бросил он и прошелся по кабинету. – Понимаете, однажды вы с блеском сыграли ее роль, и вот я подумал...

– Зачем рисковать женой, когда есть другая? – я повернулась к полковнику и устало посмотрела на него. – Полагаю, приказ подписан? Мне собирать вещи? Или, как обычно, коньяком напоите, и в путь?

Заметив заинтересованные взгляды обоих мужчин, я осеклась, вспомнив, что коньяк был импровизацией Роя. На душе стало еще паскуднее.

– Голованова, не кипятись! – Павел Андреевич снял очки и положил их на стол. – Приказа нет.

– Как это нет? – опешила я. Гаудани смущенно потупился:

– Видите ли, я не настолько хорошо знаком с теми, кто правит вашим миром.

– Ну так попросили бы вашего друга, графа Алайстера! – огрызнулась я. – У него неплохо получается!

– Он отказался.

– Что? – я не поверила своим ушам. Это было не похоже на Роя.

– Он отказался, – повторил Гаудани, – более того, пригрозил убить меня, если я решусь побеспокоить вас.

– И как же вы осмелились после этого? – издевательски протянула я, игнорируя предупреждающие взгляды полковника.

– У меня нет выбора. Вы – наша единственная надежда, – пояснил д'орез и доверительно сообщил: – Дело в том, что Карисса ждет ребенка.

– Вот как... – пробормотала я. – Поздравляю...

– Да, вы не представляете, как ей, бедняжке, плохо! – тем временем жаловался Гаудани, поглядывая больше на Павла Андреевича, словно ища сочувствия. – Особенно по утрам!.. А недавно она упала в обморок. Мы так испугались, решив, что ее отр...

– Я поняла! – быстро перебила я, опасаясь, что мой начальник легко сопоставит симптомы. – Вы хотите, чтобы я изобразила вашу жену?

– Это не займет много времени, всего пару недель! – уверил Лоренцио, воспрянув духом. – Вам и нужно будет лишь пожить со мной в одном доме недалеко от Лаччио, может быть, потанцевать со мной на торжественном ужине, у нас ведь неплохо получалось, помните?

Гаудани вновь улыбнулся. Игнорируя изумленный взгляд своего начальника, я усмехнулась и подошла к окну. За мокрым стеклом находился мой город. Серый, унылый и величественный. Основанный великим императором на человеческих костях. Ставший одним из самых красивых городов мира.

Здесь – моя жизнь, родные, работа, Сашка, ожидающая, что я приму правильное решение... Я взглянула на стекло, усеянное каплями дождя.

В Лагомбардии светило солнце, плескало волнами бирюзовое море, на холмах возвышались руины древних храмов, воздух наполнял запах лимонов, а в бокалы наливали хмельной малиновый фьен... а еще там был Рой. Отец моего будущего ребенка, который заплатил мне целое состояние и не хотел меня видеть...

Что ж... судьба дала мне еще один шанс. Шанс еще раз все взвесить и решить, чего я хочу. Я знала, что многие прокляли бы меня за подобное решение, но я была фаталисткой. Вернее, стала ей после встречи с Роем. От судьбы не уйти, и если ребенку суждено было родиться, он непременно родится.

– Знаете, Лоренцио, я, пожалуй, приму ваше предложение, – вдруг неожиданно даже для самой себя сказала я. Полковник недовольно крикнул:

– Голованова, ты в своем уме?

– Так точно!

– Ты понимаешь, во что ты ввязываешься?

– А в чем проблема? – я пристально посмотрела на него. – Недавно вы же сами меня уговаривали исполнить приказ!

– Так то приказ был! От самого! – он поднял палец вверх, указывая на портрет. – А теперь что? Как мне тебя по ведомостям проводить?

– А теперь, – я задумалась, затем усмехнулась. – Вы же мне отпуск обещали! В любую страну! Было?

– Было... – процедил полковник, недобро поглядывая на меня.

Года три назад это ввергло бы меня в ужас, год назад я бы побоялась, еще месяца два назад я бы смутилась, но сейчас я просто подошла к столу, взяла очередной лист бумаги, написала несколько фраз и протянула на подпись:

– Вот как раз и догуляю, как все и хотели!

– Думаешь, я так просто тебе сейчас его подпишу?

– Надеюсь, вы не выбросили предыдущее мое заявление? Если выбросили, то я напишу новое!

Несколько минут мы просто смотрели друг на друга, затем я почти жалобно вздохнула:

– Павел Андреевич, ну пожалуйста, мне ведь не хочется рассказывать дома, что вы мне отпуск не дали!

Это был запрещенный удар, но терять мне было нечего. Полковник это понял.

– Твоя взяла, – скрипя зубами, он поставил размашистую подпись и вернул заявление мне. – Отдашь в приемной! Пусть Люба зарегистрирует как положено.

– Спасибо, – кивнула я. – Лоренцио, идемте! Не будем терять времени!

– Конечно. – Не веря, что все так легко получилось, он направился к дверям.

– Стоять! – Павел Андреевич, сердито насупив брови, смотрел на меня. – А в подвал вы как попадете? Гаудани вон два часа ждал, пока я дверь снаружи открою!

– Не беспокойтесь, товарищ полковник, – я улыбнулась. – У меня есть ключ.

– Матери позвони, – донеслось до меня, когда я уже намеревалась закрыть дверь. Я вновь заглянула в кабинет:

– Так ведь вы с Лидией Михайловной общаетесь! Вот и скажите ей, она передаст!

– Голованова!!! – взвыл полковник.

Я, мстительно улыбаясь, поспешно выскочила в приемную, сунула перепуганной Любочке заявление и торопливо зашагала по коридору. Лоренцио шел рядом. Я заметила, что брюки ему слегка узки, а вот рубашка широковата в плечах, словно он взял эти вещи у кого-то. Я даже подозревала у кого. Скорее всего, граф Алайстер не знал, что Гаудани позаимствовал эти вещи из его гардероба. Я могла лишь догадываться, но дело наверняка не обошлось без Далии. При мыслях о ней на губах заиграла улыбка. Я скучала по служанке и ее пикировкам с Боно. Черт! Я даже по Козимо скучала, находя белобрысого интригана забавным!

Мы подошли к заветной безликой двери, ведущей в старый подвал. В прошлый раз Павел Андреевич открывал ее с помощью нескольких ключей и магнитных карт. На этот раз я просто протянула руку с браслетом – подарком графа Алайстера. Дверь распахнулась.

Лоренцио с изумлением посмотрел на меня:

– Ключ от всех дверей? Делрой отдал его вам?

– Да, пойдете! – поторопила я д'ореза, опасаясь, что начальник передумает и заставит вернуться.

Торопливо сбежав по ступеням, я первой прошла сквозь иллюзию кирпичной стены. Гаудани только хмыкнул за спиной. Ждать его я не стала. Пахнуло свежестью грозы, и я оказалась в уже знакомом подвале.

Над головой зажегся гль'ойн – стеклянный шар, внутри которого горел огонек, – чрезвычайно хрупкая субстанция. Я улыбнулась ему, словно старому знакомому. Лоренцио как-то странно покосился на меня, но промолчал.

Коридор закончился тупиком. Огромные шкафы, напоминавшие книжные, стояли вдоль стен. Двери в другие миры. Я точно помнила, какая из них ведет в кабинет, студиолло Роя на его вилле в Лагомбардии, и нерешительно посмотрела на Гаудани.

– Лоренцио, а как мы сможем скрыть свое присутствие на вилле графа Алайстера? Или есть еще какой-то вход?

– Нет, но мы не пойдем на виллу, – он подошел к одному из шкафов, который я тоже хорошо помнила. – Мы отправимся в Междумирье, и оттуда я открою портал во дворец.

Глава 3

Шаг, еще шаг в темноте. На этот раз все было в разы труднее, наверное, сказывалась небольшая сила мага. Над головой замерцал гль'ойн, я вновь увидела тот самый сарайчик, полный садовых инструментов.

– Идемте, – поторопил меня Гаудани, открывая дверь наружу. Я шагнула вслед за ним.

Теперь Междумирье показалось мне очень мрачным. Оранжевый диск солнца зловеще мерцал в темно-синем небе, точно комета муми-тролля. Бордовая трава, словно залитая кровью, зеленых прожилок на ней не было видно. Деревья парка топорщили свои узловатые ветки, листва с них облетела и лежала толстым слоем вокруг. До боли знакомый дом стоял в глубине парка. Его зеленые ставни были закрыты.

– А где маленький народец? – я разочарованно посмотрела по сторонам. Гаудани пожал плечами:

– Наверное, где-то прячутся до весны. В Междумирье поздняя осень.

– Жаль, – тихо вздохнула я. Мне нравились эльфы и феи этого мира.

Прогоняя так некстати нахлынувшие воспоминания, я прошла по белой, отсыпанной мраморной крошкой аллее, вернулась к Лоренцио как раз к моменту открытия портала.

Неяркий белый свет вспыхнул рядом с нами, все-таки мой спутник был не слишком силен в магии, или я просто привыкла к дару графа Алайстера. Мы дружно шагнули в портал, чтобы выйти уже в замке д'ореза.

Я хорошо помнила это, на первый взгляд, несуразное здание с ажурными галереями нижних этажей и массивными стенами верхних. Лестницы из голубого ихрана, местного мрамора, по одной из которых могли пройти лишь представители знатнейших семей (списки достойных хранились в специальной комнате), золоченые потолки, ажурные панели из темного дерева, массивная мебель, дорогие портьеры на окнах – все было призвано подчеркнуть богатство и величие Лагомбардийской республики.

Даже в жилых покоях, где мы оказались, стены по последней моде были расписаны яркими орнаментами. Кажется, к этому приложил кисть и Боненвенунто. Во всяком случае, я надеялась, что узнала пару фресок, особенно красных попугаев в лесу. Интересно, как поживает сам художник? Спрашивать я не решилась.

– Ренци! Ты вернулся! – голос, раздавшийся за спиной, вывел из состояния задумчивости. Я обернулась и наконец-то встретилась с той, кого должна была ненавидеть, с принцессой Кариссой.

Одетая в парчовый халат, она томно лежала на небольшой кушетке у открытого окна. На столике, стоявшем рядом, находился кувшин с водой, в нем плавали розово-зеленые дольки фруктов.

Принцесса была очень бледной, в полумраке комнаты ее кожа казалась прозрачной. Темные круги под глазами, впалые щеки – она выглядела действительно больной.

– Рисса! – Гаудани широкими шагами пересек комнату, бережно взял протянутую руку жены в свои. – Как ты, милая?

В его голосе звучала тревога. Карисса улыбнулась:

– Все почти хорошо. Тетя говорит, что осталось потерпеть совсем немного, скоро все пройдет...

– Поскорее бы, – пробурчал д'орез, садясь на край кушетки. Принцесса откинулась на подушки и улыбнулась мне:

– Простите, я, наверное, кажусь вам невоспитанной, но я действительно не могу встать. Никогда не думала, что ожидание ребенка будет таким... мучительным.

– Может быть, позвать кого-нибудь? – встревожился ее муж. – Это может стать опасным!

Карисса рассмеялась:

– Не говори ерунды! Я пока еще не умираю! Всего лишь не могу встать, голова кружится и в теле слабость, но это пройдет.

Я, забыв о вежливости, с интересом рассматривала виновницу моих бед. Сознание отмечало какие-то детали: разрез глаз, форма губ, а волосы светлее моих и ресницы тоже, но в целом мы действительно были очень похожи.

– Вы не представляете, как я вам благодарна! – тем временем продолжала она, с таким же интересом рассматривая меня. – Ренци рассказал мне, как вы вынуждены были рисковать жизнью вместо меня!

– У меня был приказ, – сухо ответила я, все еще не желая становиться сопернице подругой.

– Все равно вы очень храбрая! – она упрямо мотнула головой и сразу же закусила губу.

Я с сочувствием смотрела на нее.

– Милая, может, позвать лекаря? – Лоренцио вскочил, готовый бежать по первому слову жены.

– Нет, не стоит! Все... в порядке, – выдохнула она и с напускной суровостью посмотрела на него. – Ренци, по-моему, тебе пора заняться делами!

– Может быть, тебе все-таки нужна помощь? – д'орез внимательно смотрел на принцессу, она улыбнулась и махнула рукой, отсылая мужа царственным жестом.

– Иди, я останусь не одна. – Карисса подождала, пока муж выйдет, и с виноватой улыбкой взглянула на меня. – Простите, эта вечная тошнота... я даже встать не могу, не говоря уже о том, чтобы ехать куда-то по жаре...

– Да, такое бывает. – В памяти всплыла гречневая каша, я невесело усмехнулась. Принцесса нахмурилась, и мне пришлось пояснить. – Мне подруга рассказывала.

– У нее есть дети?

– Нет, она врач. – И, видя ее недоумение, пояснила: – Лекарь, помогает при родах.

– Понятно...

Мы помолчали, каждая думая о своем. Карисса устало прикрыла глаза. Мне подумалось, что даже сейчас она выглядела хрупкой и женственной, наверное поэтому мужчины вокруг стремятся оберегать ее.

Чтобы заглушить очередной всплеск тоски и какой-то злой ревности, я подошла к окну, слегка отдернула портьеру и выглянула наружу. Там был сад.

При взгляде на ярко-голубое небо и зеленые кусты, подстриженные в форме шаров, между которыми причудливыми завитками были выложены цветочные клумбы, каждая своего цвета, душу наполнило ликование. Я в Лагомбардии!

Захотелось распахнуть оконные рамы и вдохнуть до боли знакомый запах моря и жаркого зноя с легкой примесью цитрусовых нот. Я скосила глаза на принцессу, гадая, как она отнесется к моему самоуправству.

– Лоренцио не хотел вам говорить обо мне, но я настояла, – Карисса нарушила затянувшееся молчание, – и на том, чтобы вы сами приняли решение.

– Весьма любезно с вашей стороны.

Я с сожалением отошла от окна, надеясь, что она не заметит слезы в глазах. В последнее время я стала очень плаксивой, судя по всему, гормоны шалят. Принцесса вздохнула:

– Знаете, на самом деле я хотела у вас попросить прощения!

– За что? – не поняла я.

– Если бы я не сбежала, то вам не пришлось бы испытать все эти треволнения! Но меня пытались отравить, и я очень испугалась...

– Да, это неприятно. – Я вспомнила вино, алой кляксой расплывающееся на скатерти, и кольцо, которое дал мне Рой.

Задумчиво покрутила его на пальце. Бросив взгляд на мою руку, принцесса нахмурилась, словно собираясь что-то спросить, но затем решила продолжить:

– Я не знала, что Рой найдет замену. Думала, успею добраться до него и он что-нибудь придумает...

– Вот он и придумал, – эхом отозвалась я. Карисса беспомощно посмотрела на меня:

– Вы все равно злитесь?

– Нет, – я вымученно улыбнулась.

Принцесса действительно располагала к себе, и если бы не упоминание о Рое, именно о Рое, а не о Делрое, как называли его другие, то я бы поддалась ее очарованию. *«Зовите меня Рой, близкие друзья называют именно так»*, – прозвучал в голове насмешливый голос.

Я потом не раз задумывалась, кто же этот близкий друг. Теперь было понятно кто. Я еще раз посмотрела на соперницу:

– Скажите, а кто в курсе, что вы?...

Я выразительно замолчала.

– Никто, кроме тети, конечно. Ну и Рой с Козимо знают.

– Естественно, куда же без них! – хмыкнула я.

– Да, Козимо – мой брат, а Рой... это Рой. Не знаю, что бы мы все делали без графа Алайстера!

– Жили бы более спокойно, моя дорогая! – донеслось от дверей.

Мы повернулись. Вдовствующая графиня Алайстер, мать Роя и тетя принцессы Кариссы, стояла в дверях. При виде меня в ее взгляде промелькнуло что-то, но что именно разобрать не удалось.

– Лиза, рада вас видеть снова, – она улыбнулась.

Я покраснела, вспомнив нашу единственную встречу в ее доме в Междумирье, но тут же одернула себя:

– Взаимно. Как поживаете?

– Как видите, – она весело кивнула на Кариссу. – Девочке нездоровится, и вы в который раз выручаете нас!

– Просто какой-то Черный Плащ, – пробормотала я, потоки благодарностей начинали меня напрягать. Графиня тем временем подошла к племяннице, поправила подушки под ее головой:

– Дорогая, как ты?

Карисса вздохнула и беспомощно посмотрела на меня:

– Они обращаются со мной, словно я умираю.

– Конечно, глупая девочка, ты нас так напугала! – Графиня вновь повернулась ко мне. – Представляете, несколько дней назад она упала в обморок посреди приема. Видели бы вы лицо Лоренцио! Хорошо, Рой был рядом. Он успел подхватить кузину!

– Да, повезло, – кивнула я и, не желая больше слушать упоминания об Алайстере, спросила: – Когда отправление в Лаччио?

– Завтра. – Графиня почему-то очень внимательно смотрела на меня. – Лоренцио вечером порталом перенесет Кариссу ко мне в дом. Вы останетесь в этих комнатах. Не думаю, что служанки заметят подмену.

Ее интонации очень напоминали интонации сына, когда он, захваченный идеей, полностью погружался в свои мысли. Мне вдруг захотелось пробежаться по галереям дворца, ворваться в зал Совета, чтобы увидеть его. Сдержалась. Бросила быстрый взгляд в зеркало и тихо ахнула: я все еще была в форменном мундире, накинутом на плечи, и юбке до колена. Интересно, что было, появившись я перед всеми в таком виде?

– Да, вам просто необходимо переодеться, – подтвердила графиня. – Милая, если мы тебя оставим, ты справишься? Я пришлю тебе кого-нибудь из слуг!

Последние слова адресовались Кариссе.

– Не беспокойтесь! – Несмотря на болезненную слабость, в голосе принцессы слышалась издевка, хотя насмеялась она над своей беспомощностью. – Думаю, я выживу!

– Бедная девочка, – пробормотала моя спутница, как только мы вышли из комнаты. – Она всегда была такой подвижной. Это безделье угнетает ее.

– Вы очень к ней привязаны, – заметила я. Графиня кивнула:

– Да. Впрочем, как и к Козимо. Хотя белобрысый паршивец делает все, чтобы свести эту привязанность к минимуму. Мы с сестрой были очень близки. Признаться, было время, когда мы мечтали, что Карисса и Делрой поженятся, – она усмехнулась и покачала головой. – Сейчас это кажется смешным, не правда ли?

– Да... наверное, – я постаралась сказать это как можно более равнодушно. Графиня бросила на меня еще один загадочный взгляд и, шелестя юбками, прошла в комнату, полностью заставленную сундуками.

– Где же он... – она задумчиво осмотрелась по сторонам. – А, вот!

Откинув крышку одного из ящиков, женщина достала платье, по обыкновению верхнее и нижнее. Оба бирюзовые, расшитые серебром и перламутровым жемчугом, на шнуровке, с обязательными разрезами, сквозь которые должно было быть видно ослепительно белую рубашку, они делали фигуру необыкновенно женственной.

Чувствуя себя куклой, я послушно стояла, пока графиня затягивала шнуровки и расправляла складки.

– Вот, все хорошо! – Она отошла, чтобы полюбоваться на свое творение, и доверительно продолжила: – Всегда хотела еще и дочь, но... не сложилось. А единственный сын не торопится радовать внуками.

Я невольно вздрогнула и спешно сделала вид, что разглаживаю ткань платья.

– Спальня принцессы – вторая дверь направо, – тем временем инструктировала меня графиня. – Тогда мы сослались на духоту в зале и всех уведомили, что Кариссе нужно несколько дней отдыха перед поездкой. Служанок я отослала. Можете вызвать их, позвонив в колокольчик. Не думаю, что кто-то из них задумается о подмене. На ужин лучше не ходить: там много знакомых, могут быть неприятные вопросы, и возникнут подозрения.

Я кивнула. Значит, на ужине будет присутствовать Рой, он же возглавляет Совет Лагомбардии. Графиня права, мне действительно не стоило встречаться с ее сыном. По крайней мере, до тех пор, пока не смогу смотреть на него без дрожи в ногах и боли в сердце.

«Этого не будет никогда!» – шепнул внутренний голос, я проигнорировала.

– Почему в Лаччио нельзя открыть портал? – поинтересовалась я у графини и поморщилась: голос прозвучал хрипло.

– Можно, но поскольку пастырь Иеронимо настаивает на сопровождении, а Гаудани – на усиленной охране, отряд получается слишком большим и воспользоваться порталом просто невозможно. Путь займет дня три.

– То есть охрана будет следить за пастырями, пастыри – за охраной, и мы все что-нибудь упустим, – хмыкнула я.

Графиня улыбнулась:

– Знаете, мне нравится ход ваших мыслей. Вы словно родились в нашей семье: более бессовестных интриганов я в своей жизни не встречала.

От удивления я выпучила глаза, а моя собеседница продолжила:

– В любом случае прошу вас, берегите себя.

Я горько рассмеялась: мне предстояло ехать в осиное гнездо, играть роль Кариссы, на этот раз полагаясь только на себя, Гаудани я в расчет не брала, – и меня просят быть осторожной.

Хотя погибни я, трудно будет объяснить то, что принцесса жива и здорова, и вся история с подменами может всплыть наружу. Тогда можно оспорить законность брака Гаудани и

Кариссы. Как ни крути, я должна была вернуться из этой передрыги живой и невредимой. Графиня наверняка думала о том же. Она нерешительно прикоснулась к моей руке:

– Прошу, пообещайте мне это! – До боли знакомые серые глаза смотрели на меня.

Я вдруг заметила, что у нее такие же длинные ресницы, как и у Роя.

– Хорошо, я постараюсь.

– Вот и славно. – Она отошла и виновато улыбнулась. – Мне пора. Слуги предупреждены, что вам нездоровится, и не станут беспокоить вас. До встречи!

– До встречи! – Я осталась одна. Прошла по гардеробной, присела на ближайший сундук и обхватила себя руками, пытаюсь унять нервную дрожь, сотрясавшую тело. Мысль о том, что Рой где-то рядом, заставляла сердце то стучать быстрее, то замирать от страха. Я не знала, чего я боялась больше: того, что он узнает меня, или же того, что он примет меня за Кариссу. При мысли об этом меня вновь затошнило. Я неуверенно встала и побрела в указанную мне комнату.

Розоватые стены, украшенные расписными яркими орнаментами, огромная кровать под голубым, расшитым золотыми львами балдахинном – цвета Лагомбардии, у окна секретер со множеством ящичков – эта комната была мне незнакома. Интересно, почему Карисса выбрала именно ее? Наверное, в старой спальне так и не смогли починить панель, которую тогда выбил Рой. Я вспомнила ту ночь, потом утро, бросилась на кровать и, наконец, разрыдалась.

Плакала я долго, с упоением всхлипывая в подушку и наслаждаясь тем, что меня никто не слышит, а значит, не надо таиться и сдерживаться. Полегчало, тяжесть и тошнота ушли, зато до умопомрачения захотелось есть. Вытерев слезы, я прошла в ванную, умылась холодной водой и лишь после этого позвонила в колокольчик.

Служанка пришла почти сразу. Невысокая бойкая девушка, она внимательно выслушала пожелания, шустро выскочила и очень быстро вернулась с подносом с едой. Было видно, что ей очень хочется что-то спросить у меня, но она сдержалась. Сама я разговор заводить не стала, опасаясь сболтнуть лишнее и тем самым выдать себя.

Хлеб был вкусный, мясо – прекрасно прожаренным, но самым большим наслаждением было то, что я выпила немного фьена, хмельной вкус которого напоминал лесную малину. После чего приказала служанке помочь мне раздеться, легла на кровать и заснула, пожалуй, в первый раз за последний месяц сразу и без сновидений.

Меня разбудил странный шум. Я приоткрыла глаза. В комнате был полумрак. Все еще сонная, я приподнялась на локте, щура глаза от золотистого света гль'ойна, и вскочила с кровати. В спальне находился мужчина. Лоренцио Гаудани, д'орез Лагомбардийской республики, первый среди равных, стоял в рубашке и коротких штанах и задумчиво смотрел на кровать. Судя по выражению лица, в его голове шел какой-то сложный мыслительный процесс. Когда я вскочила, этот процесс прервался, и мужчина недоуменно посмотрел на меня.

– Вы опять? – прошипела я. – Что вы делаете в моей спальне?

Он невольно попятился и потом произнес извиняющимся тоном:

– Это и моя спальня, мадонна.

– Что? – обомлела я.

– Да, мы с Кариссой... до сегодняшней ночи мы всегда спали вместе...

– И что теперь?

– Ну, я подумал... будет подозрительно, если мы эту ночь проведем порознь.

– Лоренцио, – вкрадчиво сказала я, не зная, смеяться мне от его наивности или плакать. –

А вы не подумали, что сделает с вами ваша жена, когда узнает, что эту ночь вы провели здесь? И как вы будете уверять, что между нами ничего не было?

Он вздрогнул и уныло посмотрел на меня:

– И что мне делать?

– Открыть портал в ее спальню, – посоветовала я. – Вы вообще можете это делать каждую ночь и возвращаться лишь под утро.

– А это идея! Хотя в Лаччио это будет неосуществимо, но хоть сейчас! Спасибо! – Его лицо засияло от радости, он махнул рукой, создавая неяркий портал. – Милая, я...

Портал погас. Я присела на кровать, провела рукой по смятой простыне. Как бы я хотела, чтобы Рой хоть миг смотрел на меня так же, как Лоренцио смотрит на свою жену.

В голове мелькнула шальная мысль вскочить, все-таки ворваться к графу Алайстеру и посмотреть на его удивленный вид. Он наверняка на вилле, до утра я точно успею. Интересно, как он поступит, он же ясно дал понять Гаудани, что не желает меня видеть.

Скорее всего, Рой без лишних разговоров просто отправит меня обратно и закроет мне путь сюда. Я вздрогнула. Нет, я не могу ставить под удар всех. Следовательно, стоит избегать общения с графом Алайстером. Приняв это решение, я долго ворочалась, пытаюсь успокоиться, и заснула только под утро.

Меня разбудил Гаудани, он вышел из портала, оживленно насвистывая. Резкие звуки развеяли мой сон. Я открыла глаза и обреченно посмотрела на него:

– Вы не могли прийти позже?

– Увы! – он весело развел руками. – Карисса просто выгнала меня, сказав, что необходимо собираться в дорогу, ведь через три часа мы выезжаем!

– Вот и приходите через три часа, – пробурчала я, натягивая простыню на голову. Гаудани хмыкнул и вышел, громко зовя слуг. Я еще несколько секунд полежала, затем вскочила будто ошпаренная и понеслась в ванную: меня вновь тошнило.

– Когда же это закончится! – простонала я, уже умываясь.

Руки все еще дрожали, желудок сжимался. Сашка говорила: максимум два месяца, тогда я не придавала этому значения, сейчас это означало шестьдесят ужасных дней.

Завтракали мы с Лоренцио вместе. Вернее, изображали, что завтракаем. Мне есть не хотелось, а Гаудани позавтракал вместе с Кариссой. Но старательно играя свои роли, мы продолжали сидеть на открытой террасе первого этажа, пока слуги выносили сундуки с вещами и грузили их в барки.

Небольшой стол был накрыт на двоих. Слуги торопливо сновали, расставляя еду, затем, повинувшись знаку Лорецио, удалились.

Д'орез вальяжно развалился на стуле, лениво кроша булочку на тарелку. Я предпочла прилечь на кушетку, все еще чувствуя слабость после пробуждения. Если Лоренцио и заметил то, что мои веки слегка припухли, то ничего не сказал. Мы оба чувствовали некую неловкость, хотя со стороны наверняка казалось, что мы просто наслаждаемся обществом друг друга.

– Красивый сад, – заметила я, чтобы хоть как-то нарушить молчание.

Гаудани бросил рассеянный взгляд на тщательно подстриженные невысокие кусты, высаженные в виде ромбов и кругов, в середине которых пестрели цветы. В ромбах они были красные, в кругах – желтые, а вдоль ограды – белые, отчего создавалось впечатление пестрого ковра.

– Да, наверное, Рисса... – Он виновато осекся, я скривила губы в подобии улыбки.

– Нам следует быть очень осторожными, – тихо заметила я.

– Разумеется, – он вздохнул, – сказать по правде, мне не хватает сейчас уверенности Алайстера. Он всегда знает, что делать.

– Граф всегда слишком самоуверен, – язвительно отозвалась я, – и привык, что все беспрекословно подчиняются ему.

– Он – Алайстер, – возразил Лоренцио.

– Вы говорите так, будто он – истинный правитель Лагомбардии. – Мне не слишком нравилась тема нашего разговора.

– Так оно и есть. Веками именно Алайстеры правили республикой. Это их заслуга, что наша страна процветает.

– А вы?

– А что я? Должность д'ореза достаточно... – он покрутил чашку на блюде, – достаточно проста. Я – глиняный божок на золоченом стуле. Всем заправляет Совет десяти, десять знатнейших людей нашего государства, а Делрой руководит Советом.

– Почему вы согласились на это? – вопрос вырвался сам по себе.

– Потому что меня попросил Алайстер. Лично, – Гаудани улыбнулся. – Он только вернулся из весьма успешной военной кампании против Риччионе, буквально влетел ко мне в дом на взмыленном коне: старался успеть до того момента, как в Совет подадут кандидатуры на голосование.

– И вы согласились?

– Делрой умеет быть убедительным.

– О, этого ему не занимать! – Я вспомнила, как, сидя на моей кухне, граф уговаривал меня довериться ему. Мое доверие обошлось мне очень дорого, хотя, признаться, было оплачено сполна. – По-моему, пора идти переодеваться в дорогу.

Не желая больше слушать о графе, я встала, Лоренцио тоже поднялся со стула.

– Вы ничего не съели! – с укором заметил он. – А ведь нам предстоит долгий путь.

– Я не голодна, – я покачала головой. Действительно, есть не хотелось. Даже кофе не радовал, к тому же он странно пах: горьковатый, резкий запах. Я украдкой провела над чашкой рукой с кольцом. Камень остался тусклым. Наверное, все дело было во мне.

Не торопясь, меня все еще клонило в сон, я поднялась в покои Кариссы, где меня уже ожидали служанки, чтобы переодеться.

Дорожное платье оказалось из серого бархата. К нему прилагался голубой плащ с вышитым на нем золотым львом. Такой же плащ, только короткий, был и на Лоренцио. Дублет из серого бархата, по краю отороченный серебристым мехом, темные штаны, высокие сапоги из коричнево-красной кожи, перчатки им в тон – д'орез Великой республики представлял собой все ее могущество.

– Дорогая, вы готовы? – подчеркнуто вежливо спросил он, я слегка наклонила голову и оперлась на предложенную руку. Мы спустились к пристани, где нас уже ожидали сопровождающие, в основном слуги и стражники в ярко начищенных кирасах, на которых блеснул герб Лагомбардии.

Мое внимание привлекли люди в длинных белых одеяниях – пастыри. Среди них выделялся достаточно высокий сухощавый старик с недобрый взглядом. По тому, как он надменно держался с остальными, я догадалась, что это был Иеронимо. Рядом с ним стояла охрана – мужчины в черных одеждах с белыми воротниками-стойками, вычерненных кирасах и белых плащах, напоминающих крылья. Их черные бархатные береты были украшены белыми перьями.

– Гончие Псы Создателя – личная гвардия Истинного Пастыря, присланы для охраны, – тихо пояснил Лоренцио, наклоняясь ко мне и усаживая в барку.

– Или как наш конвой, – прошептала я, если даже он услышал, то ничего не сказал.

Гаудани прошел вперед, поставил ногу на свободную скамеечку, облокотился на металлический наконечник, украшавший нос барки, предпочитая оставаться на ногах. Не дожидаясь остальных, наша лодка отчалила от пристани и, медленно покачиваясь, двинулась вдоль канала. Вода обмелела, и теперь были видны сваи, отчего разноцветные дома напоминали избушки на курьих ножках.

Навес защищал меня от палящих лучей солнца, но не мог защитить от жары. Даже вода казалась слишком теплой. Я вытащила платок и аккуратно промокнула вспотевшее лицо, бросила взгляд на своего спутника. Он улыбался и махал рукой, отвечая на приветствия людей, столпившихся на горбатых мостиках, перекинутых через каналы.

Я вдруг вспомнила, что ехала этим же путем с Роем, только тогда нас никто не приветствовал, как сейчас, а бирюзовая вода была серой и мутной. Разноцветные лепестки роз, бро-

шенные с моста, закачались на мелких волнах, уплывая вдоль барки в лагуну, я проводила их взглядом, затем подняла голову, желая еще раз взглянуть на дворец, и невольно вздрогнула.

На галерее второго этажа стоял граф Алайстер. Опираясь ладонями на перила, он, криво усмехаясь, говорил что-то пожилому мужчине, находившемуся рядом, я вспомнила, что мне представляли этого человека как одного из членов Совета десяти. Не в силах отвести взгляд, я жадно рассматривала того, кто никак не желал уходить из моей памяти.

Внезапно Рой оборвал себя на полуслове, нахмурился и повернул голову в мою сторону. Наши взгляды встретились, его глаза мгновенно расширились, затем он тряхнул головой, на секунду показалась, что Алайстер сейчас перескочит через перила. Но он лишь бросил убийственный взгляд на Гаудани.

Слишком занятый тем, чтобы отвечать на приветствия своего народа, д'орез не заметил этого. Алайстер прищурился.

Я неловко улыбнулась, махнула рукой Рою, получила в ответ вежливый кивок. Затем, явно задумавшись, граф отошел от перил, игнорируя своего собеседника, послушно устремившегося следом.

Кажется, он меня не узнал. Странно только, что разозлился на Гаудани. Впрочем, наверняка потому, что считал, что д'орез подвергал жену опасности.

Испытывая одновременно облегчение и горькое разочарование, я выпустила ткань подушки, которую сжимала до того, что пальцы побелели.

Путь по воде не занял много времени. Вскоре барка пристала к берегу. Лоренцио вышел первым, подал мне руку и помог сесть в карету – очередной деревянный ящик на колесах, ярко расписанный желтыми львами на голубом фоне.

– Что-то случилось? – от него не укрылась моя бледность. – Вы выглядите словно увидели привидение!

– Всего лишь графа Алайстера, – прошептала я так, чтобы остальные не услышали. – Признаться, я испугалась за нашу авантюру.

– Не думаю, что он узнал вас! – усмехнулся Гаудани. – Вспомните меня. А ведь он был гораздо дальше!

– Вы говорите таким тоном, словно желаете ему отомстить.

– Не без этого! Не поверите, я до сих пор краснею, вспоминая, каким дураком я тогда выглядел!

– Да уж! – я рассмеялась, вспомнив его ошарашенное лицо. – Но вас несколько может оправдать тот факт, что вы хватили лишнего и не ожидали подвоха.

– Вы думаете? – он наигранно наморщил лоб. – Да, возможно. Во всяком случае, надеюсь, вы простили мне некоторые вольности?

– Считайте, что их не было, вы же думали, что обнимаете свою невесту, – уверила его я. Он благодарно поцеловал мне кончики пальцев, захлопнул дверцу кареты и вскочил на серого коня, которого подвел слуга.

Дорога была ужасной. Мы ехали достаточно медленно вдоль побережья, останавливаясь почти каждый час, и все равно к концу дня я просто возненавидела все и вся. Кожа и одежда были покрыты дорожной пылью, от ее запаха меня подташнивало, как и от покачивания самой кареты, ее колеса то и дело попадали в выбоины, отчего мое средство передвижения подпрыгивало и угрожающе скрипело.

Дважды приходилось останавливаться, потому что колесо вот-вот грозило слететь с оси, Гаудани нервничал, слуги покрикивали друг на друга, и эта суэта раздражала еще больше, чем все остальное. Вдобавок было очень жарко.

Платье пропиталось потом, еще с утра белая рубашка стала грязной, волосы растрепались и липли к коже. Несколько раз я уже пожалела о своем решении в очередной раз помочь Лагомбардии. Лишь воспоминания о гречке, сером небе и бело-зеленой клинике, в которой

работала Саша, ожидавшая моего решения, удерживали меня от того, чтобы не потребовать повернуть назад.

Частые привалы не спасали, и я с завистью посматривала на Гаудани, ехавшего верхом. А еще меня манило море. По дороге я заметила несколько достаточно привлекательных бухт с золотистым песком. На одном из привалов я даже заикнулась о желании искупаться, но Лоренцио был категорически против подобного времяпрепровождения, утверждая, что это почти неприлично. С досадой мне подумалось, что сама Карисса наверняка бы его уговорила. Мне же приходилось довольствоваться влажными полотенцами и солоноватым запахом высыхающих на жаре водорослей.

Долгожданный вечер не принес прохлады. Земля была просто раскаленной, и от нее все еще веяло теплом. Лошади начали спотыкаться. Лоренцио подъехал к окну кареты.

– Осталось совсем немного, – ободряюще произнес он. – Видите замок на горе? Там мы проведем ночь.

Я уныло посмотрела в указанном им направлении и тихо застонала: белоснежный замок стоял на высокой скале. Она поднималась почти отвесно над побережьем, а уже за ней в голубоватом тумане виднелись горные вершины. Судя по алому закатному небу, в замке мы окажемся затемно. Я с тревогой посмотрела по сторонам. Лошади устали, а Гаудани явно не подумал, как они будут карабкаться вверх по отвесным тропам.

– Может быть, нам стоит разбить лагерь у подножья? – предложила я, но д'орез покачал головой:

– К сожалению, нам необходимо быть там. Это Светлейшая республика Самариньези, находится под протекторатом Лагомбардии, и не посетить ее во время путешествия – нанести серьезное оскорбление жителям.

– Еще одна республика? – фыркнула я. – И кем же она управляется?

– Двумя командорами, они избираются из числа жителей, – Лоренцио не заметил язвительных нот в моем голосе. – Они ждут нас на ступенях замка.

– Надеюсь, что не с рассвета?

Он слегка озадаченно посмотрел на меня:

– Не знаю. Но два часа тому назад я отправил к ним гонца.

– И почему это не я? – пробормотала я, прижимая к шее очередное влажное полотенце.

Гаудани пришпорил коня, вырываясь вперед. Я устало откинулась на подушки, желая лишь одного: чтобы путешествие скорее закончилось. Мои молитвы были услышаны, совсем скоро наш кортеж начал подниматься в гору. За окном то и дело мелькали золотистые прямоугольники окон: дорога проходила через деревни. Изрядно пропетляв, дорога привела нас к воротам замка, за стенами которого виднелись черепичные крыши домов.

Под торжественные звуки труб мы въехали через огромные ворота и остановились на главной площади. Два седовласых человека – командоры города – в светлых одеяниях ждали нас там. Они торжественно приветствовали д'ореза как своего протектора.

Обмен любезностями длился недолго, но это время мне показалось вечностью. Вынужденная стоять рядом с Гаудани, я все больше опиралась на его руку. Наконец он это заметил и озадаченно посмотрел на меня, я ответила ему усталым взглядом.

Гаудани виновато улыбнулся, но позволил командорам договорить до конца и лишь тогда попросил их сопроводить нас в покои, чтобы мы смогли отдохнуть с дороги и подготовиться к торжественному ужину.

Гостевые комнаты располагались на втором этаже замка. Пока служанки доставали из дорожного сундука специально заготовленную для таких случаев нарядную одежду, я прошла в ванную и долго просто стояла под прохладными струями воды, падающими с потолка. Надо при случае узнать, как архитекторы создают подобные душевые. Я подозревала, что без магии здесь не обошлось.

Когда я, завернувшись в простыню, вышла оттуда, Лоренцио в комнате не было. Мне сказали, что мой муж переоделся и вышел, сославшись на какие-то дела. По всей видимости, Гаудани не желал смущать меня или же оправдываться перед Кариссой. Меня снова охватила зависть к принцессе.

Пока я справлялась со своими чувствами, служанка помогла мне надеть платье, как обычно, голубое с золотом – официальные цвета Лагомбардии, и заплела волосы в замысловатые косы.

На мои вопросы девушка отвечала односложно, явно стесняясь, и я с какой-то грустью подумала о Далии, мне не хватало ее, как и Боненвенунто. Но общаться с ними было безумием.

Они сразу бы узнали меня, и если Далия еще могла бы промолчать, то художник бы, невзирая на все, сразу бы донес на меня своему покровителю. И тогда... что бы было тогда, я не знала.

Весь день, пока я тряслась в карете, меня не покидала глупая надежда, что Рой обнаружил подмену. Он так напрягся, и его взгляд... Воображение то и дело рисовало картины, как он верхом на своем золотом жеребце догоняет нас, останавливает карету, рывком открывает дверцу...

На этом моя фантазия заканчивалась. Смотря правде в глаза, граф Алайстер вряд ли будет участвовать в подобном фарсе. Скорее, пожмет плечами и отправится по своим делам.

По здравом размышлении мне вообще расхотелось, чтобы граф знал о моем визите. В разговоре с ним я могла сболтнуть лишнее, а мне не хотелось вовлекать Роя в свои проблемы, особенно говорить, что жду ребенка. Человек эпохи Возрождения, граф Алайстер наверняка решил бы взять на себя ответственность, и это не привело бы ни к чему хорошему.

Я внимательно посмотрела на себя в зеркало. Показалось, или моя грудь все-таки увеличилась, да и сама фигура стала какой-то более женственной, что ли...

Я положила ладонь на еще плоский живот и вдруг поняла, что готова дать Саше ответ, который она так ждала, шагнуть на новый этап своей жизни, наполненный подгузниками и советами по грудному вскармливанию младенцев.

– Милая, ты готова? – Вежливо постучав, Лоренцио вошел в спальню, одобрительно кивнул при виде платья и протянул руку. – Все ждут только нас.

Чувствуя какое-то радостное возбуждение от происходящего, я лишь кивнула, привычно кладя свою ладонь на его. В конце концов, граф Алайстер щедро заплатил мне, и моя поездка в Лаччио – один из поводов вернуть долг Лагомбардии. Надо лишь с честью сыграть свою роль, после чего вернуться, уволиться и спокойно растить моего ребенка.

Глава 4

Граф Делрой Алайстер неспешно шел по галерее Лагомбардийского дворца. Еще будучи мальчишкой, он любил пробежаться здесь, забавляясь чередованием тени и света. Он хорошо помнил, как его родители прогуливались по вечерам, наслаждаясь прохладой, веявшей с моря.

Волны привычно плескались о стены. Граф обреченно взглянул на них. Как-то на спор с Козимо Делрой прыгнул с перил, едва не разбил голову, после чего дня три старался не попадаться на глаза отцу, совершенно справедливо опасаясь гнева главы рода. Он усмехнулся воспоминаниям и зашагал дальше. Отец давно мертв, а они с Козимо теперь ставят интересы стран превыше собственных.

Как было и недавно, когда граф Алайстер старательно злил Иеронимо, стремясь назначить легатом своего бывшего учителя. Это было просто необходимо, особенно после тех слухов, которые ходили среди пастырей.

Антонио прислал графу Алайстеру, с которым почти никогда не терял связь, зашифрованное послание, прочтя которое Делрой не мог оставаться в стороне. Он вызвал старика к себе и начал действовать.

Партия была разыграна как по нотам. И пастырь Антонио с сопроводительными письмами, подтверждающими его полномочия как легата, любезно воспользовался порталом и в сопровождении Боно перенесся в Лаччио. Граф предложил своему учителю поселиться на вилле Алайстеров, построенной неподалеку от города на высоком холме, но старик отказался, сказав, что предпочитает жить во дворце Истинного Пастыря, где ему будет отведена комната. Рой улыбнулся и пожелал Антонио удачи. Они всегда хорошо понимали друг друга.

Граф знал, что отныне его учитель будет следить за своими собратьями и попытается не допустить развала Конклава изнутри. Самому ему надлежало остаться в Лагомбардии и в случае возникновения проблем обеспечить безопасное отступление друзей.

Рой с тоской взглянул на галерею. Ажурные, казавшиеся почти невесомыми колонны полностью опоясывали второй этаж, по замыслу великого архитектора защищая обитателей дворца от палящего солнца. Тени от них переплетались, напоминая решетку. Граф горько усмехнулся. Дом, в котором он вырос, и одновременно его тюрьма.

Несмотря на близость воды, воздух вокруг казался раскаленным. Рой недовольно поморщился: судя по всему, фьен этого года будет слишком сладким. Лагуна обмелела, а у небольших каналов, опоясывавших Лагомбардию, обнажилось дно. Лишь по Большому каналу было возможно проехать на барках.

Жара стояла уже давно, до сбора урожая было еще несколько недель, и на столе у главы Совета лежало прошение от гильдии земледельцев помочь орошению земель.

Делрой с досадой подумал, что придется обращаться к кузену с просьбой открыть шлюзы в резервных водохранилищах в горах. Интересно, сколько Козимо за это запросит?

Белобрысый кузен никогда не упускал своей выгоды. Хорошо хоть, отцу Козимо не пришлось в голову перекрыть шлюзы во время войны. Рою казалось, что старик попросту забыл о них, увлеченный азартом приграничных стычек. Дядя вообще был весьма вспыльчив, несдержан и плохо осознавал последствия своих поступков.

Козимо рос другим. Хитрым, иногда даже слишком. Еще в детстве Рою нравилось просчитывать идеи кузена и отвечать ему не менее замысловатой многоходовкой. Обоим это доставляло массу удовольствия и со временем стало даже какой-то своеобразной постоянной игрой. Именно Козимо поддерживал кузена, когда тот, взбунтовавшись против отца, уехал в Лаччио.

Вечный город неприветливо встретил юного наследника Алайстеров, хотя именно в Лаччио Рой и познакомился с Боненвенунто, тогда еще учеником.

Они вместе работали в мастерской художника, вместе кутили, делясь выпивкой и женщинами, пока Делрой не получил известие, что отца отравили. Он кинулся домой, но не успел.

Про искусство пришлось забыть. Графу Алайстеру надлежало заниматься политикой. Многоходовки с кузеном обрели новый смысл. Правда, когда полоумный старик Лонггелфелдо развязал войну между государствами, кузены предпочли объединиться.

Смерть сначала д'ореза, а затем и отца Козимо, не выдержавшего позора поражения, пришла им двоим очень кстати. Принц Риччионе не слишком жаловал своего родителя, к тому же прекрасно понимал выгоду, которую Риччионе сулила дружба с Лагомбардией. Военные действия моментально прекратили, и стороны сели за стол переговоров.

Длительные, нудные, они проходили то в Лагомбардии, то в Риччионе. Оба кузена старательно сдерживались, пытаясь прийти к компромиссу, а заодно и обмануть друг друга. Это невыносимо раздражало всех и почти привело к новым военным действиям, когда обнаружилось, что Карисса по уши влюбилась в Гаудани. Это стало решением проблем. В тот день оба кузена на радостях здорово напились. Вспомнив эту гулянку, Рой улыбнулся.

Кажется, зачинщиком был Боно. Именно он пришел в кабинет принца с новостью о целующихся в саду Лоренцио и Кариссе. Козимо в ярости вскочил, но Рой удержал кузена, предлагая оставить все как есть, и плеснул фьен в кубки. Боненвенунто в шутку провозгласил тост за союз между двумя странами. Это породило идею завершить мирные переговоры к полному удовлетворению всех сторон.

Остальное прошло как по маслу. Убедить Совет десяти разрешить брак д'ореза не составило особого труда. Что же касается Гаудани, то там все сделала сама Карисса.

Рой вообще с особой теплотой относился к кузине, она платила ему тем же, иногда, как и свойственно женщинам, бессовестно пользуясь такими отношениями. Это рождало домыслы и сплетни, над которыми они дружно смеялись.

Когда Карисса достигла брачного возраста, Рою пришлось приложить немало сил, чтобы помочь ей избежать ненавистного замужества, навязываемого отцом. Это породило новую волну слухов. Даже Козимо подозрительно посматривал на Алайстера, гадая, действительно ли тот делает все для своей кузины лишь по дружбе. Теплое отношение вдовствующей графини к племянникам подогревало слухи. Пару раз мать даже намекала на возможный союз.

В ответ Делрой пожимал плечами и продолжал заботиться о Кариссе. Для Роя она всегда была младшей сестрой, которую следовало оберегать. Именно поэтому, когда появилась угроза ее жизни, граф и затеял авантюру с подменой.

Тогда все казалось предельно ясно. Если бы он знал, в какую ловушку попадет сам. Лиза... Красивая, смелая, упрямая и в то же время беззащитная. С огромными ярко-голубыми глазами, опущенными темными, что удивительно для светловолосой девушки, ресницами. Когда она смотрела на него, сердце начинало колотиться быстрее, а в груди словно не хватало воздуха. Кто бы мог подумать, что именно желание защитить кузину и сыграет с ним столь злую шутку.

Рой поморщился. Он запретил себе думать о девушке. Вернувшись в свой мир, Елизавета Голованова сделала абсолютно правильный выбор.

Наверняка она до сих пор ненавидит его за то, что обманом завлек ее в Лагомбардию и заставил рисковать жизнью ради другой.

В тот день, проводив Лизу в ее мир, Рой долго стоял у окна своей виллы. На свадьбе кузины граф появился лишь вечером, вызвав лавину домыслов. Гаудани пару раз с подозрением посматривал на друга, пытаясь определить, насколько правдивы слухи о его чувствах к Кариссе, но бесстрастное лицо графа и холодный взгляд останавливали любого смельчака, желавшего поинтересоваться сплетнями.

После свадебных торжеств Рой все-таки вынужден был пойти в мир Лизы. Он позаботился, чтобы она никогда и ни в чем не нуждалась, заручился обещанием полковника Соколова оберегать ее, после чего вернулся, намереваясь забыть все, что было.

Не в силах оставаться на вилле, он вернулся во дворец и с головой ушел в государственные дела, глупо понадеявшись, что работа заглушит чувство гнетущей тоски.

Члены Совета старались лишней раз не попадаться графу Алайстеру на глаза, и даже Козимо избегал встреч с кузеном, утверждая, что Делрой кого угодно загонит в могилу своим мрачным видом.

Делрой вздохнул, достал из кармана небольшую миниатюру, портрет, нарисованный на черном хрустале, и всмотрелся в столь дорогие ему черты лица. В отличие от других медальонов, в этот раз он не смог передать живость, свойственную девушке. Возможно, дело было в том, что Рой рисовал лицо по памяти, или потому, что не успел добавить в краски каплю крови возлюбленной. Просто украшение, безделушка, хранимая как воспоминание о той, кто никогда не простит его.

Услышав шаги, граф спрятал медальон и направился дальше по привычному для него маршруту. С каким-то брезгливым отвращением он прошел мимо двух красных колонн: между ними оглашали смертные приговоры, последний – для Джованио Риччионе.

Делрою Алайстеру пришлось допрашивать его лично. Козимо опасался, что не сможет сдержаться и его дядя просто не выйдет живым из комнаты для допросов, а попросту – пыточной камеры.

Все еще надеясь сохранить себе жизнь, Джованио признался во всем сразу. Как только Делрой переступил порог, то узнал про Истинного Пастыря, и как тот намеревался прибрать к рукам случайно открытую шахту с черным хрусталем, втянув в войну оба государства. Джованио не останавливался ни перед чем: соблазнение, убийство... Глупышка Джемма, одна из наперсниц Кариссы, была отравлена. Признаваясь в своих деяниях, дядя Козимо глумливо улыбался и жалел, что яд достался только одной девушке. Стражники, присутствующие при допросе, с трудом оттащили графа Алайстера от пленника.

Кашляя и задыхаясь, Джованио уверил, что за его смерть отомстят. Понимая, что предателя ждет суд и позорная казнь, Рой предпочел уйти, и это оставило чувство неудовлетворения: на тот момент он жаждал хоть чьей-нибудь крови.

– Мэссэр граф!

Рой вынырнул из воспоминаний и досадливо поморщился, узнав голос маркиза Делла Фарнезе. Похоже, тот набрался смелости и жаждал встречи с главой Совета. Рой обернулся:

– Умберто.

Холодного тона и кивка вполне достаточно. Граф Алайстер, глава Совета десяти и самый богатый человек республики, может позволить это.

– Мэссэр граф, – старик достал платок и вытер лоб, блестящий от пота, – я хотел с вами поговорить о выборах нового Пастыря в Лаччио!

Делрой закатил глаза. И этот туда же! Будто нет других тем для обсуждения. Как будто они не догадываются, что уже все не раз проговорено и нужные решения приняты.

– Я слушаю, – Алайстер подошел к балюстраде, оперся ладонями на раскаленные от жаркого солнца каменные перила, задумчиво посмотрел на бирюзовую воду канала. У Лизы глаза были другого оттенка. Захотелось вновь достать медальон и еще раз попытаться перерисовать портрет, сделать лицо более живым. Делла Фарнезе замолчал, явно ожидая ответа. Рой вздрогнул:

– Простите, что?

– Разумно ли будет отпускать мэссэра Гаудани одного в Лаччио? – его собеседник повторил вопрос.

– Насколько я помню, он едет туда с достаточно большим отрядом.

– Алайстер, вы прекрасно поняли, что я имею в виду! Выборы Истинного Пастыря... – старик осекся под тяжелым взглядом.

– Вас не касаются, но если вы так уж настаиваете на ответе, то передайте моей матери, что Гаудани по пути должен встретиться с принцем Козимо. Наш легат в курсе. Думаю, вдовствующей графине этого будет достаточно. – Рой отвернулся, давая понять, что разговор закончен.

Шум и суета, возникшие у пристани, возвестили, что д'орез вот-вот отбудет с посольством.

Делла Фарнезе почтительно кивнул, но не отошел. Наверняка, преданный поклонник, он должен встретиться с вдовствующей графиней позже. Или же полагает, что Делрой может передумать. Конечно, Рою самому следовало бы поговорить с матерью, но в последнее время он старательно избегал встреч с ней.

Графиня единственная могла догадаться, что с ним творится, а он не хотел расстраивать мать. Граф Алайстер вообще не хотел, чтобы кто-то знал, что он... Что он влюбился, словно мальчишка. Безнадёжно и безответно...

Делла Фарнезе все еще стоял рядом, и Делрой, не желая продолжать разговор, лениво следил за тем, как кортеж Гаудани рассаживается по баркам. Одна из них, с самим д'орезом и его женой, уже направилась вдоль канала. Рой проводил ее взглядом, против воли вспоминая другую барку, которая на рассвете везла его и Лизу.

«Я хочу домой!»

Один Создатель знает, чего ему стоило сдержать свое слово. До последнего Делрой надеялся, что то, что произошло между ними в Междумирье, та сила, с которой их тянуло друг к другу, перевесит. Но Лиза ушла. Шагнула в шкаф, чтобы оказаться в своем, привычном для нее мире, и он не мог осуждать ее. Только устроил так, чтобы больше никто и никогда не посмел заставить ее делать что-то против воли.

Граф Алайстер задумчиво изучал барку д'ореза. По обыкновению, Карисса села в центре, под навесом прячась от солнца, Гаудани прошел на нос лодки. Удивительная небрежность, если вспомнить состояние кухни. Хотя сегодня она выглядела менее болезненной.

Рой нахмурился. Его что-то настораживало, мешая повернуться спиной и уйти. Какая-то деталь, которую он упустил. Карисса задумчиво смотрела на воду, Лоренцио взмахнул рукой, приветствуя людей, собравшихся на мосту, принцесса на миг обернулась, взглянула на галерею... Рой остолбенел. Лиза!

Он бездумно наклонился вперед, словно желая повторить свой подвиг и снова перепрыгнуть через перила, ласточкой сигануть в белую пену волн, в несколько гребков достигнуть лодки...

– Алайстер... – донеслось сквозь шум, звучащий в ушах.

Глава Совета десяти медленно выпрямился:

– Да?

– Простите, мэссэр, мне показалось, что вы вот-вот прыгнете вниз.

Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не убить собеседника:

– Вам показалось.

– Простите, мэссэр.

Он кивнул и снова взглянул на барку, гадая, не ошибся ли.

Лиза все еще смотрела на него. Он не мог не узнать эти глаза, ее едва заметную улыбку. Она всегда так улыбалась, когда не была уверена в правильности действий. Рой знал, что в этот момент на ее щеках появляются ямочки. У Кариссы никогда их не было. Как и упрямства, и силы духа...

Заметив, что он за ней пристально наблюдает, Лиза неловко махнула ему рукой и, не дожидаясь ответа, быстро отвернулась.

Рой покачал головой. Карисса бы так никогда не поступила. Значит, он не ошибся, это действительно была Лиза. Она здесь, в Лагомбардии, несмотря на то что он категорически запретил кому-либо беспокоить ее.

От мысли, что его распоряжения попросту проигнорировали, Рой скрипнул зубами. Заметил, что пальцы побелели, и пожалел, что сжал их на перилах, а не на шее Лоренцио Гаудани. Первое желание немедленно броситься следом, догнать и повернуть барку, чтобы убить уже бывшего друга, удалось подавить с трудом.

Д'орез Великой республики наверняка действовал не в одиночку, во всяком случае, если женщина, сидящая в барке, – Лиза (о, в этом он уже был уверен!), то Карисса должна была где-то скрываться. Значит, ей кто-то должен был покровительствовать. Кто-то, кто жил поблизости, кто-то из семьи, кто знал обо всем. И о Лизе. Глаза графа хищно прищурились.

– Мама... – процедил он.

Делла Фарнезе невольно попятился, с испугом глядя на перекошенное от ярости лицо своего собеседника. Он никогда не видел графа Алайстера таким.

– Знаете, Умберто, – голос Делроя срывался, переходя в змеиное шипение, – я, пожалуй, слишком долго пренебрегал своими обязанностями сына. Ваша помощь глашатая не понадобится, я лично обо всем извещу графиню!

Едва сдерживаясь, сказала все-таки многолетняя выучка, граф прошел в одну из комнат дворца: открывать портал прямо на галерею не хотелось. Пока он шел, слепая ярость слегка утихла, и Рой начал мыслить здраво.

То, что его провели как мальчишку, не подлежало сомнению. Но вряд ли Гаудани смог бы повернуть такое лишь с вдовствующей графиней, как ни была хитра его мать, ей нужен был еще кто-то. Тот, кто владеет магией, кому можно безоговорочно доверять, и кто кровно заинтересован...

– Козимо... – выдохнул граф, чувствуя, что ярость вновь разгорается. Конечно, кто же еще мог противопоставить себя могуществу Алайстеров! Принц более других был заинтересован в безопасности сестры.

Именно ее брак служил гарантом того, что герцогство Риччионе получит доход от добычи черного хрусталя в новой шахте, случайно обнаруженной людьми Джованио и по условиям брачного договора переходящей к Лагомбардии. Залежи магического черного хрусталя являлись истинной причиной, по которой пастыри Лаччио так рвались перессорить своих соседей.

Пользуясь сумятицей, они хотели отлучить от церкви оба государства, после чего, под предлогом защиты населения, захватить приграничные земли. В том числе и небольшой остров на реке, где находились залежи черного хрусталя, так необходимого для магии. Запасы потрясали, и Делрою с Козимо стоило большого труда сдерживать разработки месторождения, чтобы не истощить шахту.

Получив письмо от Антонио, Делрой сопоставил сведения, добытые бывшим учителем, с тем, что рассказал Джованио. Картина получилась очень неприглядной, и граф в который раз убедился, что поступил правильно, отправив хрустальную бомбу, предназначавшуюся Лизе, в спальню Истинного Пастыря.

Гибель духовного лидера внесла смятение и позволила Алайстеру вести свою игру. Из-за грядущих выборов он не успел обсудить нюансы со своим кузеном, но до сегодняшнего дня был уверен, что Козимо не подведет.

Мысли о настоящих врагах заставили Роя взять себя в руки. В конце концов, ему не впервой разбираться с горе-заговорщиками, а потом... а потом он вернет Лизу в ее мир. Но сначала все-таки следовало убедиться, что догадки правильны, и граф Алайстер отнюдь не сошел с ума.

Рой взмахнул рукой, открывая портал в дом матери. Гнев все еще полыхал внутри, и, ошибившись в расчетах, граф очутился на кухне. Пришлось холодно кивнуть обомлевшим слугам и поспешить к лестнице.

Перепрыгивая через ступеньку, Делрой вбежал на второй этаж, надменно бросил в пустоту: «Докладывать не надо» – и, распахивая двери, прошел сквозь анфиладу комнат в личные покои матери. Он оказался прав.

– Добрый день! – язвительно усмехнулся граф Алайстер.

Карисса, негромко вскрикнула, служанка, склонявшаяся над ней, выпрямилась и с укором посмотрела на хозяина:

– Могли бы и предупредить, мэссэр!

– Для чего, Далия? Чтобы ты успела увести мою кухню? – Он холодно посмотрел на женщину, все еще полулежащую на кушетке. И как все могли путать ее с Лизой? В них не было ничего схожего!

– Не ожидал тебя здесь встретить, – продолжил он. Кухина потупилась:

– Ты думал, я во дворце?

– Я полчаса тому назад видел тебя в барке Гаудани. – Рой не сводил с кухни взгляда.

– Это... это, наверное, фантом, – смущенно пролепетала принцесса, – Лоренцио обещал, что создаст...

Краем глаза граф заметил, что Далия выскользнула. Наверняка побежала за подмогой.

– Нет, кухня, ты была вполне живой и здоровой, я просто поражен, – Рой даже не пытался скрыть, что издевается. Карисса прикрыла глаза:

– Ты же видишь, что я не могу встать...

– Это не повод нарушать мои распоряжения! – Он еле сдерживался. – Тем более рисковать жизнью других!

– Создатель, какие громкие речи! Стены так и трясутся. Здравствуй, милый! – Вдовствующая графиня Алайстер величественно вошла в комнату, ее серые глаза буквально искрились от смеха, а на щеках обозначились ямочки, это говорило, что женщина весьма довольна происходящим.

– Мама, – скрежетнув зубами, Рой, следуя многолетней привычке, склонился над протянутой рукой.

– Дорогой, ты ужасно выглядишь! – графиня провела ладонью по его щеке. – Как дела в Совете? Что нового вытворил мэссэр Каэтани? В прошлый раз он, кажется, хотел по примеру древних привести с собой в зал заседаний осла?

– Коня, дорогая, ослов там и так достаточно... – поправил ее сын.

– Точно, коня! – всплеснула она руками. – Я и забыла. Говорят, он в нем души не чаает?

– Мама, не заговаривай мне зубы! – процедил граф Алайстер. – Я понимаю Гаудани или Козимо, один слишком простодушен, второй все пытается продолжить наши детские игры, но как ты могла пойти на такое? Я ясно дал понять, что не желаю видеть Лизу в Лагомбардии!

– А ты ее и не видел, – беззаботно пожал плечами графиня.

– Видел. В барке рядом с Гаудани.

– Неужели узнал? – в голосе матери звучал неподдельный интерес.

– Разумеется! – раздраженно ответил Рой. – И прошу, не стоит упражняться в риторике!

– Хорошо. Но интересно, чем она тебя так рассердила? Такая милая девушка...

– Именно поэтому хватит впутывать ее в наши политические игры!

– О, так ты просто беспокоишься о ней? – глубокомысленно заметила графиня, подходя к окну и выглядывая в небольшой сад. – Это на тебя не похоже.

– Значит, ты плохо меня знаешь, – отрезал Делрой.

Разговор нравился ему все меньше и меньше.

– Полагаю, что знаю тебя даже лучше, чем ты сам, – с довольной улыбкой женщина повернулась к сыну. – Признайся, что ты даже рад возвращению Лизы в Лагомбардию.

– Ошибаешься! И да, я незамедлительно отправлюсь в Лаччио, чтобы отвезти девушку домой и заодно придушить Гаудани!

– Рой, ты не посмеешь убить Лоренцио! – При этих словах Карисса даже набралась сил, чтобы приподняться над подушками. Он обернулся к кухне, мрачно улыбаясь:

– Ты так думаешь? Назови мне хоть одну причину, по которой я не смогу вызвать его на дуэль и проткнуть, как цыпленка?

Карисса побледнела еще больше, но граф этого не заметил, вспомнив вдруг руины, слова Боно, недовольного порчей рубашки, и Лизу, фехтующую с ним так, словно от этого зависела ее жизнь... И ведь действительно зависела. А он так и не заслужил ее доверия.

Злость прошла. Рой устало посмотрел на кухню:

– Карри, неужели ты так спокойно относишься к тому, что другой человек может погибнуть вместо тебя?

Принцесса бросила беспомощный взгляд на тетю, которая с интересом наблюдала за собственным сыном с каким-то загадочным выражением лица.

– Милый, давай продолжим наш разговор в другой комнате? – наконец сказала графиня. – Поскольку Карисса не принимала участие в этом, то не думаю, что ей интересно все, что мы хотим сказать друг другу.

– О, ей-то как раз интересно! – фыркнул Рой, бросая взгляд на незамедлительно потупившуюся кухню. – Как интересно и то, как теперь проводит ночи ее муж! В отличие от меня, он не слишком различает их двоих!

– Вчера ночью Лоренцио был здесь, – возразила вдовствующая графиня, бросая на растерянную племянницу ободряющий взгляд. – Полагаю, теперь Гаудани, зная о двойнике, более внимателен. К тому же Козимо будет рядом.

– Думаешь, он хоть пальцем пошевелит, чтобы остановить Лоренцио? – Рой наигранно рассмеялся. – Мама, зная моего кузена, он скорее потрет свои холеные руки и будет всю жизнь шантажировать д'ореза Лагомбардии!

– Ты так заботишься об интересах страны, Делрой! – восхитилась графиня. – Я воспитала замечательного гражданина! Пойдем, закончим разговор в моем студиолло, – она улыбнулась племяннице. – Дорогая, мы оставим тебя ненадолго! Я пришлю Далию!

Игнорируя отчаянные взгляды Кариссы, они вышли. Пройдя несколько комнат, мать и сын расположились в небольшом помещении, стены которого были богато украшены зеленым и голубым ихраном. Лучи полуденного солнца, отражаясь на позолоте мебели, слепили глаза.

Графиня присела на небольшой диванчик, Делрой остался стоять, только подошел к окну, откинул тяжелую портьеру, делая вид, что всматривается в суматошное движение лодок по каналу. Женщина молчала, давая сыну успокоиться, лишь украдкой поглядывала на него.

В последнее время она действительно беспокоилась за сына. Рой осунулся и выглядел так, словно какая-то болезнь снедала его. Один из ее давних поклонников, мэссэр Фарнезе, говорил, что в Совете избегают спорить с графом Алайстером, опасаясь вспышек его ярости. В последний раз таким она видела его лишь после смерти своего мужа, отца Делроя.

Графиня догадывалась, в чем дело, но ей необходимо было подтверждение. Ярость сына приводила ее в восторг. Привыкший брать все, что пожелает, Делрой наконец-то получил отказ. Оставалось лишь заставить его самого осознать, что он совершил ошибку, отпустив девушку.

– Я тебя слушаю, – Рой первым нарушил молчание, голос был слишком равнодушным, как и у его отца, когда тот был раздираем эмоциями.

– Что я должна тебе сказать? – графиня едва сдерживала улыбку.

– Почему Лиза оказалась тут.

Он даже не повернулся к ней. Значит, боится, что она прочитает его эмоции. Хороший знак.

– Милый, ты сам прекрасно понимаешь, что выхода не было. Ты категорически отказывался ехать в Лаччио, пастыри настаивали, а Карисса не могла даже встать, не говоря уже о том, чтобы весь день трястись в карете по ухабистой дороге. В этом случае она просто могла потерять ребенка.

– И поэтому вы решили, что Лиза опять может рискнуть своей жизнью?

– Здесь нет никакого риска: Лоренцио с ней, а завтра к ним должен присоединиться и Козимо.

– Прекрасная компания! Главное, как удобно для того, чтобы ударить в это собрание идиотов магической молнией! И обезглавить сразу два государства!

– Ну, положим, ни для кого не секрет, что Лагомбардией управляешь ты, – графиня слегка откинулась на спинку диванчика. Рой взмахнул рукой, словно отменяя возражения:

– Мы говорим сейчас не об этом!

– А о чем, Делрой? О государственных интересах? Тогда ты прекрасно понимаешь, что присутствие Кариссы в Лаччио необходимо!

– Кариссы, мама, не Лизы!!! – он уже кричал, практически не сдерживаясь, что бывало крайне редко. – Ради Карри и Лоренцио, и даже Козимо рискнут собой, но ни один из них не будет рисковать ради Лизы! Понимаешь, ни один!!! Лаччио – это осиное гнездо! Первое, что пастыри попытаются сделать, если что-то пойдет не так, – отравить ее!

Тяжело дыша, он в отчаянии смотрел на мать.

– Девушку невозможно отравить, она носит твое кольцо, – веско возразила графиня и весело кивнула, наслаждаясь удивлением сына. – Да, милый, я его узнала.

– Хорошо, не отравят... – Рой намеренно проигнорировал фразу о кольце, – но есть сотни других способов лишить человека жизни! Не говоря уже о том, что можно сделать с женщиной...

Он осекся и вновь отвернулся к окну. Барки все еще суетились. Одну из них неумелый хозяин поставил поперек канала, тем самым перегородив движение, и теперь, осыпаясь руганью с остальных лодок, пытался развернуть обратно. Устав от этой бестолковой суеты, граф взмахнул рукой. Повинуясь магии, барка закружилась и, стремительно сорвавшись с места, поплыла по каналу.

– Почему ты отправил ее обратно, Делрой? – вдруг спросила мать. Он вздрогнул и повернулся к ней:

– Прости? Ты сейчас про барку?

– Нет. Я про эту девочку, так похожую на Карри, Лизу! Зачем ты отпустил ее? Я видела, какими глазами вы смотрели друг на друга в Междумирье!

Она с болью в сердце заметила, что сын как-то сник. Он помолчал, прошелся по комнате, затем сел напротив и обреченно посмотрел на седовласую женщину, внимательно слушающую его, как когда-то в детстве.

– Как я мог, мама? Как я мог просить ее остаться, после того, как обманом заставил пройти в наш мир?

– Неужели?

– Я... я напоил ее и пронес через портал, – признание далось с трудом. – Она несколько раз рисковала жизнью, и потом... ночью, когда к ней пришел Лоренцио, а я стоял в этом проклятом тоннеле и молчал, потому что нам надо было поймать Джованио...

Он тяжело вздохнул и закрыл лицо руками.

– Ты была права, мама, тогда, в Междумирье, – голос звучал очень глухо. – Мне надо было все рассказать Лизе... объяснить, что я с самого начала знал, где Карри, что не допущу свадьбы... Хотя... не думаю, что это помогло бы...

Графиня с нежностью смотрела на сына.

– Если между вами стоит только это, то у тебя есть возможность все исправить.

– Как? – он покачал головой. – Она ненавидит меня...

– Глупости! Милый, тебя все время от времени ненавидят, но тебе это ничуть не мешает! – Графиня подошла к сыну и положила руку ему на плечо. – Делрой, тебе необходимо поговорить с ней. Объясниться.

Он устало посмотрел на нее:

– Лиза не станет меня слушать... ох, мама, я все испортил...

Глава 5

С утра мне было опять плохо. Я не знала, что было этому виной: вчерашняя пыльная и утомительная дорога, затянувшийся допоздна ужин, на котором я большей частью дремала на совершенно неудобном стуле, пропуская мимо ушей витиеватые речи, или же то, что Лоренцио несколько переусердствовал с фьеном и поэтому остался ночевать в спальне, галантно расположившись прямо на полу и старательно дыша перегаром. Из-за него пришлось ночью открывать окна, впуская в комнату холодный горный воздух.

Проснувшись, я с трудом смогла встать. Токсикоз не прекращался, и завтракать я не стала. Кофе опять был со странным запахом, я не рискнула его даже пробовать, ограничившись просто водой, которую пила маленькими глотками. Гаудани недовольно поглядывал на меня, но молчал. Сам он тоже не слишком налегал на завтрак, зато пил много воды: сказывался вчерашний вечер.

– И часто вы так? – меланхолично поинтересовалась я.

– Пью? – д'орез поморщился. – Не поверите, но редко. Просто обычно это почему-то совпадает с вашим присутствием.

Я хмыкнула: вот и еще один повод не появляться в этом мире, не то Лоренцио сопьется.

– Надеюсь, я не сильно побеспокоил вас? – вежливо продолжал он. Я покачала головой:

– Нисколько. – Я поставила кубок на стол и задумчиво посмотрела на д'ореза, затем решила. – Скажите, я могу попросить вас об одолжении?

– По-моему, это мы все у вас в долгу, – заметил Лоренцио, допивая воду. – Просите что хотите!

Я улыбнулась:

– Дорога очень тряская, возможно, будет лучше, если я поеду верхом.

Он нахмурился:

– Пастырям это не понравится.

– Понятно, – я вздохнула, морально готовясь к очередному дню в пыльном деревянном ящике, но мой собеседник продолжил:

– Впрочем, кого волнует, что нравится пастырям? Скажем, что карета сломалась. Я распоряджусь, чтобы вам оседлали лошадь.

– Спасибо! – В этот момент я готова была расцеловать своего спутника. Наверное, это отразилось на моем лице, потому что он смутился и неловко поднялся:

– Я пойду отдам приказ!

– Конечно! – Мысль о том, что мне не придется глотать дорожную пыль, придала мне сил. Я все-таки встала и позвала служанку, чтобы надеть платье, после чего спустилась во двор.

Слуги бегали туда-сюда, крича и переругиваясь, словно это могло ускорить сборы. Два седовласых командора стояли в стороне, с величественным снисхождением взирая на суету, словно она их не касалась.

Лоренцио подошел к ним, обменялся несколькими традиционными фразами и вернулся ко мне, подвел к правителям, и мы церемонно попрощались.

По знаку д'ореза подвели наших коней. Под неодобрительными взглядами пастырей Гаудани помог мне сесть в седло, вскочил на коня сам, и мы двинулись вниз, по направлению к городским воротам.

Моя лошадка была невысокой, очень упитанной и больше похожей на ослика. Я ожидала от нее упрямства, но кобыла, как выяснилось, обладала достаточно покладистым характером и очень мягким ходом, и я позволила себе расслабиться. Замок стоял на одинокой горе, вокруг которой пестрели холмы, а за ними начиналось бирюзовое море. Горы, вчера вечером показав-

шиеся близко, на самом деле виднелись где-то вдали сиреневатыми конусами. Дорога петляла со скалы, чтобы потом плавными изгибами заструиться вдоль побережья.

Деревушки, ютившиеся на холмах, отсюда казались очень маленькими, словно игрушечными. Заметив, что я с интересом рассматриваю окрестности, Лоренцио подъехал ко мне:

– Смотрите, вот там, за холмами, проходит наша граница и начинается область Лаччио. Видите клирах? Это пограничный пункт. Алайстер предупредил, что после него нам придется быть начеку: пастыри могут воспользоваться ситуацией и организовать нападение, списав все на разбойников.

– Именно поэтому он не поехал сам?

– Кто? Делрой? – уточнил Гаудани и покачал головой. – Нет, он сослался на неотложные дела, но, сказать по правде, я думаю, что он просто боялся, что не сможет сдержаться и накалит и без того непростую обстановку.

Я вспомнила хрустальный шар, провалившийся в сияние портала, хищную улыбку Роя и пришпорила лошадь, желая прекратить эти разговоры. Гаудани мне нравился, и я не хотела портить удовольствие от общения с ним воспоминаниями о прошлом.

К обеду мы достигли стен клираха, обменялись приветствиями, но останавливаться в нем не стали, проехали мимо, предпочитая разбить лагерь в роще, около очередных руин. Нам с Лоренцио натянули тент, под которым мы и расположились, прячась от полуденной жары. Слуги расставили походную мебель и принесли еду, на которую я набросилась: во второй половине дня у меня просыпался зверский аппетит.

Расправившись с обедом, я встала и прошлась по лагерю, желая размять ноги. Сопровождающие нас воины разбились на небольшие группки. Кто-то играл в кости, кто-то просто рассказывал байки под хохот остальных. Часовые исправно несли вахту.

Пастыри, как обычно, расположились чуть особняком. Я заметила, что после того, как мы проехали клирах, Иеронимо, который так не понравился мне, стал еще более надменным. Он даже попытался возмутиться, что я еду верхом, и произнес короткую проникновенную речь о предназначении женщины. В ответ Гаудани улыбнулся и сказал, что он не столь большого ума и должен хорошо обдумать сказанное почтенным пастырем. Старик недовольно нахмурился, но продолжать не стал.

Сейчас Иеронимо сидел за столом, ломившимся от еды, и со снисходительным видом наблюдал за прислуживающим ему юношей в голубых одеждах, символизировавших ученичество.

Тот ненароком задел кубок. Фьен плеснул на скатерть. Пастырь вскочил, стараясь не заляпать свою белоснежную сутану. Юноша покаянно склонил голову, принимая оплеухи, сопровождавшиеся строгой отповедью.

– И эти люди принимают сан и правят мирянами... какой позор, – раздался голос у меня за спиной. Я обернулась. Еще один пожилой пастырь стоял за моей спиной, с какой-то обреченностью смотря на своих товарищей. Заметив мой интерес, он поклонился:

– Мадонна, позвольте представиться, пастырь Джерардо.

– Очень приятно. Думаю, мое имя вы знаете...

– Не уверен, – он виновато улыбнулся, – у меня плохая память на имена.

– Карисса, – я с трудом произнесла это имя, ставшее для меня символом отчаяния.

– Да, теперь я вспомнил, – он посмотрел на меня темными, почти черными глазами. – Вижу, вас заинтересовало поведение моих братьев.

– Нет, – я покачала головой. – Я просто проходила мимо.

Черт, получилось как в анекдотах про советских разведчиков.

– И что же вас озадачило? Почему вы остановились?

– Я вспомнила о грехе гордыни, – созналась я, почему-то старик внушал доверие.

– Хоть кто-то о нем помнит, – грустно улыбнулся он, – а вот мои братья забыли... с этого и начинается падение...

– Падение?

– Нашей власти. Раньше, когда пастыри действительно вели народ сквозь тьму и оберегали веру, разве хоть один правитель поехал бы попытаться повлиять на выборы Истинного Пастыря?! Но мы погрязли в гордыне, ослабли, и теперь те, кто правит миром, могут руководить и нами!

– Простите, я всего лишь женщина... – пробормотала я, от всей души желая прекратить этот разговор. Старик хмыкнул:

– Вы – очень умная женщина и прекрасно понимаете, с какой целью ваш супруг, наш д'орез, едет в Лаччио. Удивительно лишь то, что граф Алайстер не пожелал присоединиться к нам. Впрочем, у него наверняка есть какие-то причины так сделать, – он очень пристально посмотрел на меня.

– Возможно, – кивнула я, – извините, мне пора идти к... мужу.

– Хорошая жена всегда стремится к супругу, – кивнул он, отходя в сторону. Надеюсь, что пастырь не заметил мою заминку, я спешно подошла к Гаудани, который выслушивал доклад от одного из часовых.

– Лоренцио, – окликнула я его, – что-то случилось?

– Ровным счетом ничего, кроме того, что приближается отряд принца Риччионе. Мы договорились с ним встретиться здесь.

Я украдкой закатила глаза. Козимо! Ну конечно, с чего я решила, что на этот раз дело обойдется без белобрысого правителя герцогства Риччионе.

С холма, на котором мы расположились, было прекрасно видно, как по дороге, поднимая пыль, едет отряд в бело-красных одеждах.

Подъехав, принц спешился, кинул поводья коня тут же подскочившему слуге и направился к нам, предоставив своим людям самим решать, как и где разбивать лагерь.

Холодные голубые глаза скользнули по мне, губы скривились в довольной улыбке:

– Дорогая сестра?

– Дорогой брат, – в тон ему ответила я.

– Рад видеть вас вновь, – он обнял меня и поцеловал в щеку, рука скользнула по спине, я сразу отстранилась, он усмехнулся.

– Мое последнее предложение все еще в силе, – тихо сказал принц.

– Мой ответ тоже.

– Жаль. – Он повернулся к д'орезу. – Дорогой родственник! Безумно рад вас видеть!

– Козимо, – Гаудани широко улыбнулся. – Это взаимно!

– Вижу, все прошло хорошо, – принц многозначительно покосился на меня.

– Да, по крайней мере, никто ничего не заподозрил.

– Ни слова больше! Хотя бы до того момента, пока я не поем! – принц поднял руку, затянутую в алую перчатку. – Сказать по правде, я голоден: чтобы нагнать вас, мы скакали с рассвета.

– Присоединишься к нам? – дружелюбно предложил Гаудани. Козимо кивнул и повернулся, отдавая слуге распоряжение доставить припасы под наш тент, после чего обратился ко мне:

– Смею надеяться, дорогая сестра, вы составите нам компанию, я так давно вас не видел!

– Разумеется, – я сухо улыбнулась и, едва касаясь протянутой мне руки, вновь прошла к тенту, где уже суетились слуги.

На белоснежной ткани расставили блюда с птицей, хлеб, сыр и кувшины с фьеном. Не дожидаясь нас, Козимо подошел к столу и подцепил кусок мяса, с наслаждением впилился в него

зубами и лишь после этого сел на стул. Смотря, как он поглощает еду, я вдруг поняла, что все еще голодна, поэтому присоединилась к принцу, игнорируя удивленные взгляды Гаудани.

Пообедав, Козимо вальяжно откинулся на спинку стула, небрежно держа в руке чеканный кубок из голубого металла. Все четыре грани украшал герб Риччионе – распустившаяся лилия.

– Итак, вижу, вы тоже ехали в компании пастырей, – заметил принц, скосив глаза в сторону мужчин в белых одеждах.

– Да, Алайстер настаивал на их сопровождении. Он полагал, что присутствие пастырей гарантирует нам безопасность по дороге в Лаччио. – Гаудани выждал, пока паж наполнит фьеном и его кубок и знаком велел мальчику отойти.

– Он скажет мне то же самое, навязывая старика Юлиана, – Козимо бросил недовольный взгляд в сторону невысокого полного мужчины, судя по всему, одного из пастырей, – и порекомендовал произвести достаточно приятное впечатление, чтобы склонить его на нашу сторону.

– Юлиан колеблется? – насторожился д'орез.

– Не думаю, он слишком зависит от меня, хотя не исключаю, что в Лаччио при виде своих собратьев по вере он может воспрянуть духом. – Козимо бросил еще один взгляд на пастырей и вдруг выпрямился, глаза вспыхнули, и тут же их блеск был скрыт белесыми ресницами. – Не могу поверить... Пастырь Джерардо? Он решил поехать?

– Увы, – Гаудани развел руками, – присоединился сегодня утром, сказал, его позвал пастырь Антонио. Ты же понимаешь, что я не мог отказать ему.

Козимо мрачно кивнул.

– Почему его присутствие так нежелательно для вас? – поинтересовалась я. Принц скользнул по мне холодным взглядом:

– Я бы не был так категоричен, моя дорогая сестра. Но неподкупный упрямый старикан, который ради своих принципов легко может пошатнуть договоренности, заставляет насторожиться. К тому же, если вдруг Конклав предложит его на пост Истинного Пастыря, количество кандидатов окажется больше, чем мы ожидали, и выборы зайдут в тупик.

Наверное, мое непонимание слишком отразилось на лице, Гаудани пояснил:

– Я уже упоминал, что при выборе Истинного Пастыря каждое государство имеет право присутствовать на церемонии и наложить вето на одну из кандидатур до голосования. Право используется лишь один раз.

– А что будет, если все государства воспользуются этим правом, и ни одна кандидатура не пройдет? – поинтересовалась я, вспомнив пресловутую графу «против всех».

– Вот поэтому, следуя негласной традиции, количество кандидатов должно на одного человека превышать количество стран. Но если кандидатур останется две, – принц покачал головой.

– А может быть такое, что два государства наложат свое вето на одну фигуру?

– Очень редко. Государства всегда объединяются в союзы! – добавил Козимо, подливая себе фьен. – Истинный Пастырь – слишком важная фигура, чтобы можно было действовать в одиночку.

Я пожала плечами и промолчала, поскольку после обильной еды меня начала одолевать сонливость. Глаза закрывались сами собой, голоса начали сливаться, затем наступила тишина.

Я проснулась от шума. Оказалось, я лежу на небольшой походной кровати, которую по приказу Гаудани поставили под тентом. Солнце уже клонилось к горам, слуги и солдаты сворачивали наш лагерь.

– Рад, что вы проснулись сами, – раздался над головой голос Гаудани. – Я уже опасался, что придется на руках нести вас в карету!

– Да, это было бы не очень правильно, – пробормотала я, присаживаясь и подавляя зевок. – Сколько я спала?

– Более двух часов, – холодно проинформировал принц. – Мы решили не беспокоить вас.

– Интересно, чем обязана такому вниманию с вашей стороны? – я с благодарностью взяла кубок с водой, протянутый мне Гаудани, заслужив насмешливое фырканье Козимо:

– Какая забота! Просто идеальная семья! Лоренцио, я даже беспокоюсь за одну известную нам всем особу.

– Не волнуйся, – беззлобно парировал д'орез. – Я не обладаю столь живым умом, как ты, поэтому не могу изменять своим чувствам!

– Скажи проще: ты подкаблучник, мой дорогой друг!

– В отличие от вас, Лоренцио привык думать и о других! – Меня слегка задело пренебрежение Козимо.

– Это упрек? – Пристальный взгляд холодных голубых глаз обратился ко мне. Затем Козимо пожал плечами. – Возможно, вы и правы, но думать о других весьма скучно!

– О, извините, если заставила вас скучать, – елеинным голосом произнесла я. Поведение принца вынудило окончательно проснуться.

– Я не скучал! Я просто не думал о вас, – поправил он меня. – Пусть это останется прерогативой нашего дорогого Лоренцио!

Он с насмешкой взглянул на деверя. Гаудани и бровью не повел. Похоже, насмешки родственника не задевали д'ореза Великой республики. Вместо того чтобы дискутировать с принцем, Лоренцио обратился ко мне:

– Вы хотите поехать верхом?

Я слегка задумалась, бросила взгляд на пыльную дорогу, представила, как будет трясти карету, затем кивнула:

– Пожалуй.

– Я распоряжусь. – Гаудани отошел.

Козимо проводил его задумчивым взглядом:

– Я вот думаю, он так хорошо притворяется или моей сестре действительно повезло?

– Не стоит всех стричь под одну гребенку, – ответила я, – Лоренцио действительно такой, какой есть.

– И какой же он? – со странной улыбкой Козимо выжидающе посмотрел на меня.

– Честный, – это единственное, что пришло мне на ум.

Принц расхохотался:

– Какое... пресное определение!

– Вам оно не грозит.

– Надеюсь, – хмыкнул он. – В моем положении честность только вредит: за моей спиной нет грозной фигуры нашего милого и беспринципного Делроя... кстати, а каким вам кажется граф Алайстер?

– Простите, а он-то тут при чем? – насторожилась я. Как всегда, при упоминании о Рое сердце забилося сильнее.

– Да так, просто любопытно...

– От любопытства кошка сдохла! – не сдержалась я и, заметив, что мою лошадь оседлали, направилась к ней. Козимо пристально смотрел мне вслед.

Чуть позже, когда мы с Гаудани направлялись вдоль побережья, принц поравнялся с нами. Ничего говорить не стал, лишь занял место по левую руку от меня так, чтобы я оказалась между ним и д'орезом. В нос ударил запах приторных духов, смешанных с запахом моря и конским потом. Я поморщилась и чуть посторонилась, но Козимо явно вознамерился ехать рядом со мной.

– Поверьте, я тоже не испытываю восторга от этой дороги, – ухмыльнулся он, заметив мои маневры. – К тому же, как по мне, так мы двигаемся достаточно медленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.